

P. o. germ.

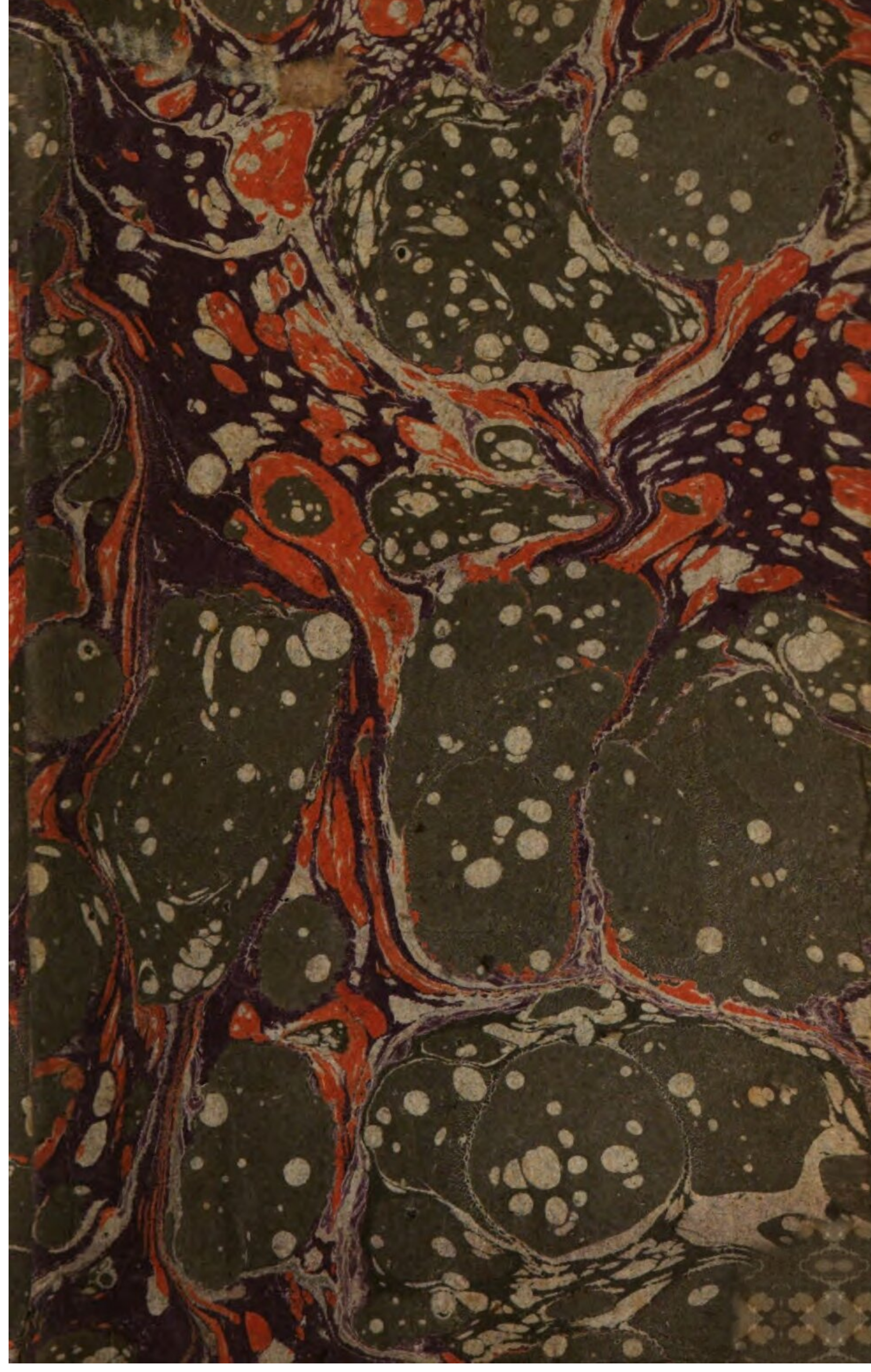
2097

cl1

P.O. germ. 2097 c-1

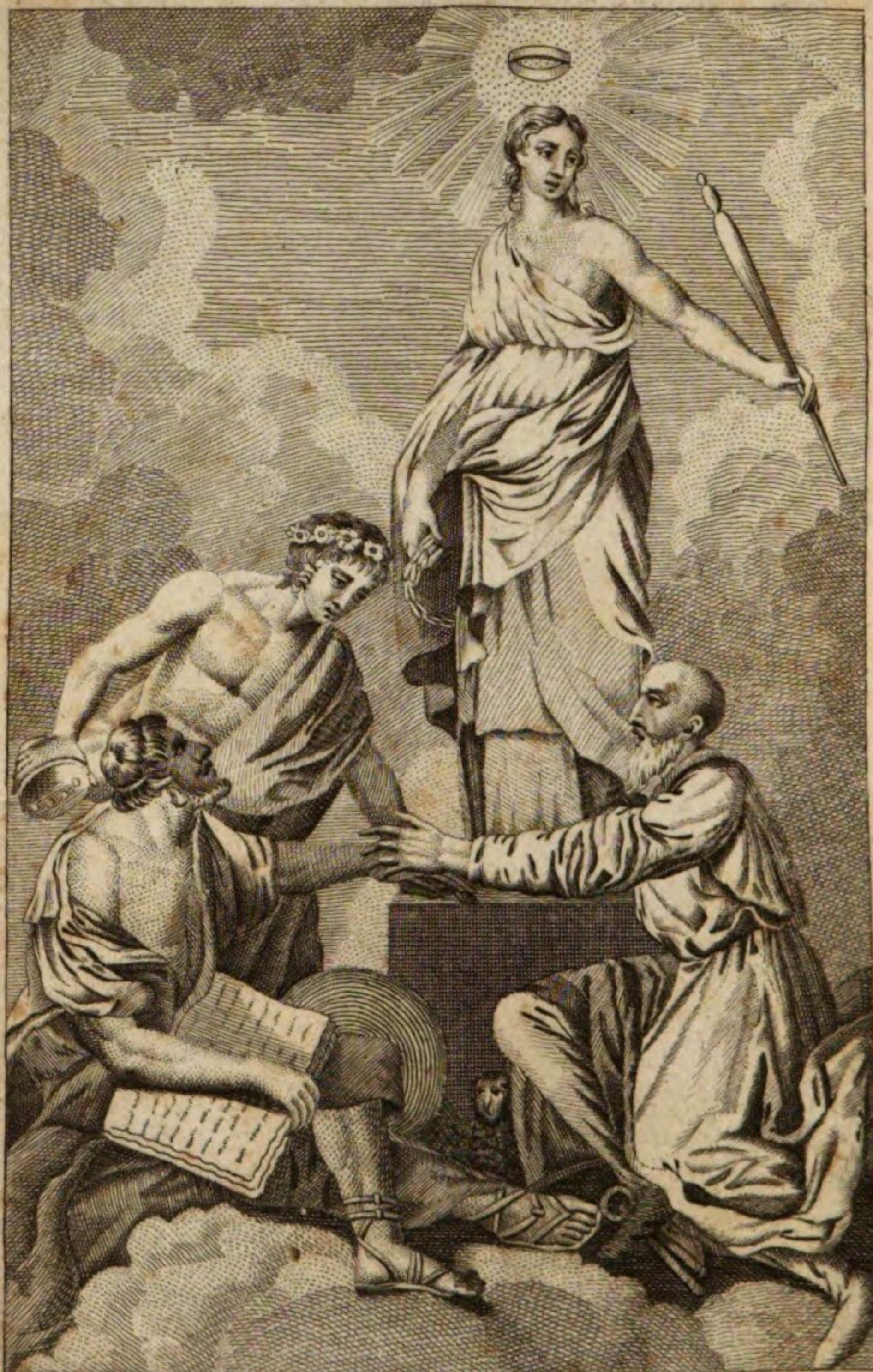

44 -
Eup. Mar.
Isperenzan 979.

<36611885340010

<36611885340010

Bayer. Staatsbibliothek

Въ Любви. въ соединеніи состоитъ
блженство чловческое.

№ 112.

ТЕРПИМОСТЬ

И

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

Сочиненія

Г. Эккартсгаузена.

МОСКВА.

1817. года.

7. апр 1866
ТЕРПИМОСТЬ

И

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ,

ИЗОБРАЖЕННЫЯ

ВЪ ТРОГАТЕЛЬНЫХЪ

ПОВѢСТЯХЪ.

Сочиненія Г. Эккартсгаузена.

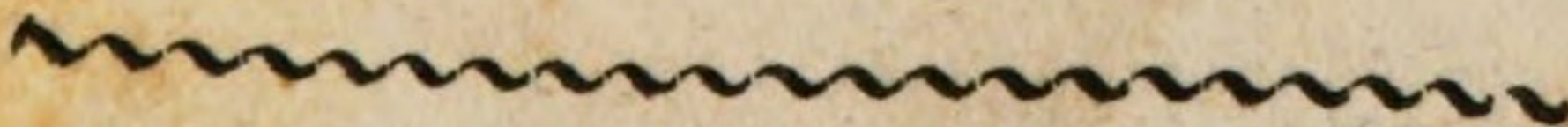
Переводъ съ НѢМЕЦКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1 8 1 7.

Съ одобренія Универси-
тетской Ценсурь.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

20/21/1960

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,
Милостивому Государю
САВВЪ АНДРЕЕВИЧУ
МОСКОТИЛЬНИКОВУ

съ глубочайшимъ почпеніемъ
посвящаетъ книгу сію

ИЗДАТЕЛЬ

Егоръ Андреевъ.

**Bayerische
Staatsbibliothek
München**

О Г Л А В Л Е Н І Е

первой Части.

Спран.

- I. Исаакъ Гаррушъ, или
семейство Евреевъ. 3
- II. Каллосъ , примѣръ,
взяшый изъ временъ
гоненія на Религію. 114

Второй Части.

- III. Эпвинъ и Зама,
Восточная повѣсть. 3
- IV. Фапимъ и Эризина. 34
- V. Отецъ Іовъ и Па-
сторъ Бремъ. - - 60
- VI. Карлъ Блишенгеймъ,
или примѣръ благо-
дарности, какая въ
нынѣшнее время не
въ модѣ. - - - 88


~~~~~  
I.

ИСААКЪ ГАРРУШЪ,

или

сѣмейство Евреевъ.

Интересная повѣсть для сердца  
человѣческаго.

~~~~~

Тому уже около ста лѣтъ,
какъ начало разсвѣпашь въ
нѣкоторыхъ спранахъ Европы;
но люди не просыпались еще
отъ долговременнаго сна, и рѣд-
кой Философъ, только лишь
пробужденный слабыми лучами
восходящаго свѣпа, слезнымъ
окомъ взираль на землю, упо-
добляющуюся мрачной, въ ужасъ

Часть I. А 2

приводящей темницѣ, въ которой ни одинъ лучъ не проникалъ страшной ночи. Человѣчество — въ оковахъ предразсудка и невѣжества, этихъ палачей деспотизма — лежало погруженное въ смертной сонъ, и адское чудовище фанатизмъ крѣпко держалъ его подъ тяжкимъ своимъ игомъ.

Страшные слѣды сихъ мрачныхъ временъ показываютъ намъ, сколь ужасно должно быть тогдашнее состояніе человѣческаго рода.

Спорили о названіи и не знали существа вещей; боролись за пустую скорлупу, и не находили зерна.

Одно слово — и братья умерщвляли братьевъ, и рѣки невинной крови наводняли землю.

Сожигали невѣрнаго, а самаго ненависнаго злодѣя награждали золопомъ.

Въ сіи времена, когда глупость считалась достоинствомъ, кровожадность и мщеніе добродѣтелью, человеколюбіе преступленіемъ, а разумъ порокомъ, когда имѣть здравой разсудокъ и доброе сердце было столь же опасно, какъ отправлять ядомъ, или обкрадывать церкви — сколь жалкою казалась жизнь человѣческая! —

Однако и сіи времена, сіи плачевныя столѣтія, между ужаснѣйшими дѣянiями человѣческаго варварства и лютою, могутъ показать намъ прекраснѣйшіе памятники человеколюбiя.

Повѣрьте, что человѣческое сердце начало чувствовать

не съ половины прошедшаго столѣтія, не съ тѣхъ поръ, какъ вздумали писать о чувствительности и давать выучивать наизусть прогашельныя мѣста изъ книгъ; я подозреваю даже, что люди стали теперь нечувствительнѣе, имѣють меньше добродѣтелей, и — что сущая правда — всего менѣе простосердечія. Тщеславіе влечетъ ихъ за собою на помочахъ моды. Они не чувствуютъ; они только нѣжничаютъ и примѣняются къ виду добродѣтели, которой совсѣмъ не имѣють.

Нѣтъ, и тогда чувствовали, и тогда поступали по движенію сердца, хотя съ меньшею свободою, съ большею опасностію, но тѣмъ славнѣе, тѣмъ достопамятнѣе должны бытъ дѣянія, которыя откры-

ли мы, такъ сказать, въ щепени обрушившагося времени.

Тогда безъ сомнѣнія было очень опасно дѣлать добро невѣрному, жить въ дружбѣ съ ерешикомъ, сожалѣть о Туркѣ и не равняясь его со псами; и при всемъ этомъ находимъ самыя благородныя черты терпимости, любви и кротости между такими людьми, которые по своему роду и соспоянію кажутся совершенно неспособными къ симъ добродѣтелямъ.

Изъ сихъ-то временъ взялъ я для чипашелей моихъ такую повѣсть, которую не выраженія, въ ней находящіяся, но челоуѣколюбіе и добродѣтель должны сдѣлать для нихъ драгоцѣнною; которая, къ сожалѣнію, докажетъ имъ, что Христіане по догматамъ Боже-

ственной Вѣры ихъ, по примѣру Божественнаго ихъ Учища, должны бытъ людьми благороднѣйшими, добродѣтельными, образцемъ для всѣхъ народовъ, а очень рѣдко бывающъ такими; и что ерешики и невѣрные, не смотря на ихъ ложное ученіе, также могутъ бытъ добродѣтельны и благородны.

Въ началѣ прошлаго столѣтія проживало въ Лиссабонѣ одно семейство Іудеевъ, коего глава назывался Исаакомъ Гаррушемъ. Этого мужъ достоинъ того, чтобы покороче познакомить его съ чипапелями. Если не былъ онъ такъ мудръ, какъ Наѳанъ, то имѣлъ по крайней мѣрѣ благородное, добродѣтельное сердце, которое приготавлило дорогу его подвигамъ. Рачительно исполнялъ онъ законъ своихъ пред-

ковъ, былъ справедливъ во всѣхъ дѣлахъ, любилъ людей какъ своихъ братьевъ, не припѣснялъ иновѣрцовъ, и есѣли дѣлалъ добро, то не спрашивалъ прежде: какъ тебя зовутъ? кто ты таковъ? Еврей ли ты, или Христіанинъ?

Больно было для его сердца видѣть угнѣпаемымъ народъ свой, и онъ желалъ своимъ противникамъ, чѣобы они познали свою несправедливость, старались о исправленіи своего сердца и слѣдовали примѣру своего Учишеля, Который ни къ кому не питалъ ненависти и никого не гналъ; но часто въ пишинѣ укорялъ онъ Іудеевъ мстительностью, которую насыщаютъ они, нападая на одного, и чрезъ то дѣлаясь еще ненавистнѣе Христіанамъ, подвергаютъ и невинныхъ гоненію.

Зная хорошо людей, онъ не ошибался въ своемъ мнѣніи, что сильнѣйшая сторона, которая одерживаетъ верхъ надъ слабѣйшею, во всякое время будетъ поступать съ нею несправедливо; что люди никогда не перестанутъ быть несправедливыми противъ самихъ себя, и что упорное сопротивленіе лишь болѣе увеличиваетъ зло. Часто говорилъ онъ въ небольшомъ кругу своихъ единовѣрцевъ: „Братія! не ропщите на Бога во времена смутныя и чрезъ упрямство свое не превращайте желѣзныхъ оковъ въ адамантовыя цѣпи! Терпѣливо сносице иго свое, и спарайтесь пріобрѣсти дружбу своихъ противниковъ успучиво-стію, любовію!“

Такъ думалъ Гаррушъ о людяхъ, такъ поступалъ онъ

и всякой былъ до него добръ ,
 исключая немногихъ , которые
 имѣли злое сердце и такіе
 предразсудки , что однимъ уже
 названіемъ Жидъ оправдывали
 свою ненависть и свои неспра-
 ведливости. Многіе любили его
 и цѣнили дорого его дружбу.

Но э́томъ человѣкъ еще
 любезнѣе покажется намъ сре-
 ди своего семейства, когда раз-
 смотримъ его какъ гражданина,
 супруга и отца.

Въ дѣлахъ рачительнѣй-
 шій, праводушнѣйшій человѣкъ
 въ управленіи торговли, по-
 слухнѣйшій, честнѣйшій граж-
 данинъ , въ домѣ своемъ лю-
 бимый , уважаемый Гаррушъ —
 дышалъ любовію къ своей су-
 пругѣ , любовію къ своимъ дѣ-
 шамъ.

Онъ зналъ , что и дѣши
 его также входящъ въ цѣпь ,

составляющую цѣлое, почему и старался всѣми силами образовавъ ихъ не только дѣтьми Израиля, но и достойными гражданами. „Какая бы земля ни питала васъ“ говорилъ онъ: „Португаллія ли, или Хананея — вы вездѣ должны быть людьми добрыми.“

Такъ какъ Израильтянамъ не позволено вступать ни въ какое гражданское званіе, или какую нибудь службу, и для нихъ не осмалось иныхъ источниковъ пропитанія, кромѣ торговли, то и Гаррушъ воспитывалъ двухъ сыновей своихъ для сего рода промышленности. Онъ зналъ по опыту, сколь опасна эша отрасль пропитанія для моральнаго характера, почему и внушалъ въ дѣтей своихъ болѣе всего честность и правду въ торговлѣ,

кропость и снисхожденіе къ
неимущимъ и любовь ко всѣмъ
несчастнымъ.

Онъ споль же хорошо по-
знакомилъ ихъ съ законами по-
го Государства, въ которомъ
они жили, какъ и съ ихъ соб-
ственными, и вселилъ въ нихъ
одинакое повиновеніе къ обо-
имъ; поелику они были обяза-
ны чпипъ ненарушимо шѣ и
другіе.

Гаррушъ былъ богатъ. Бо-
гатство свое получилъ онъ въ
наслѣдство отъ родителей; но
соблюденіемъ, шакъ какъ и ум-
ноженіемъ онаго, одолженъ былъ
своему благоразумію и бережли-
вости: эшимъ добродѣтелямъ
и вмѣстѣ дѣятельности училъ
онъ дѣшей своихъ, доказывая
имъ примѣрами, что не буду-
чи бережливымъ, не шолько не
льзя пріобрѣсти, но и легко

Часть I.

Б

можно потерять приобрѣтенное.

Кромѣ сыновей имѣлъ онъ еще дочь. Она была украшеніемъ дѣвъ Израильскихъ и радостію пресвятаго отца: была прекрасна какъ цвѣтущая пальма и добродѣтельна какъ невѣста въ Пѣсняхъ Соломоновыхъ.

Онъ обучалъ ее всему, что только можетъ образовашъ душу женщины — это нѣжное, крошечное твореніе руки Всевышняго — и усовершенствовашъ разумъ и нѣлесныя качества дѣвушки, чтобы составишъ все щастіе какого нибудь юноши.

Какъ щастливъ былъ Гаррушъ во дни наступающей зимы своей! Онъ видѣлъ плоды своихъ стараній созрѣвающими подъ его рукою. Сыновья его

росли какъ два прекрасныя
дерева, которыя зеленью своею
награждають труды и рачи-
тельность садовника, и оби-
ліемъ цвѣтовъ, ихъ покрываю-
щихъ, ласкають его надеж-
дами. Они росли и, къ ра-
доспи своего родителя, душев-
ныя и тѣлесныя силы ихъ
увеличивались очень скоро.

Часто, въ тѣ щасливныя
минушы, когда онъ любовался
дѣтьми, обнималъ онъ свою
Сарру, плакалъ на груди ея
слезами небесной радости, и
оба вмѣстѣ прославляли Бога
своихъ опцевъ, Который бла-
гословилъ ихъ.

Гаррушъ, любя дѣтей сво-
ихъ, ничего не желалъ такъ
сильно, какъ ихъ щастія, ко-
торое, по его мнѣнію, состо-
яло не въ богатствѣ, не въ
союзѣ со знатными домами и

не въ пышной роскоши, но во взаимной любви, въ тихой семейственной жизни и въ душевномъ спокойствіи; почему никогда не старался пріискивать имъ богатыхъ партіи и не хотѣлъ пользоваться властію опеческою, ччтобы располагать судьбою дѣтей своихъ съ непреклонною надмѣнностію корыстолюбиваго спарика: онъ далъ имъ совершенную свободу въ выборѣ. Старшій его сынъ Моисей, который достигъ уже семнадцатилѣтняго возраста, былъ первымъ примѣромъ нѣжной любви своего родителя. Его сердце избрало себѣ дѣвушку, хотя прекрасную и съ благородною душою, но бѣдную, и потому незамѣченную никѣмъ.

Моисей объявилъ отцу о выборѣ своего сердца со всею

откровенностію невиннаго юноши и тою довѣренностію, какую вселили въ него дружество и любовь родителя; и Гаррушъ, обнявъ своего сына, одобрилъ съ радостію любовь его. Но когда миновалась первая воспорги радости ихъ, то Гаррушъ съ видомъ сомнѣнія, или какъ будто перемѣнивъ свои мысли, началъ дѣлать ему возраженія, желая испытать сердце добродѣтельнаго юноши. „Сынъ мой!“ такъ онъ началъ: „твой выборъ благороденъ, и безкорыстіе доказываетъ, что онъ есть выборъ твоего сердца. Но ты еще не знаешь, неопытный! что бываетъ время, въ которое сердце наше, обманутое чувствами, увлекаемое сильнымъ стремленіемъ, такое кипитъ желаніе, которое въ минушу упоенія спра-

спи кажется единственнымъ ,
 кажется вождѣлѣнѣйшимъ; но
 послѣ , когда кипящая кровь
 утихнетъ и холодный , раз-
 борчивый разумъ , преодолен-
 ный первымъ жаромъ молодос-
 пи , возьметъ опять свою си-
 лу , самое сердце будетъ смѣ-
 яться надъ симъ желаніемъ ,
 можетъ быть даже успѣдитъ-
 ся самого себя и будешь рас-
 каиваться.

„Въ любви это бываетъ
 обыкновеннымъ слѣдствіемъ.
 Скорое , неожиданное впечат-
 лѣніе скоро и проходитъ. Эта
 дѣвушка для тебя еще прелест-
 на потому , что она еще не
 своя; но скоро увидишь на ней
 какія нибудь пятна. Ты еще
 боготворишь ея небесную доб-
 родѣтель , которая тебя вос-
 хищаетъ ; но скоро заметишь
 въ ней какіе нибудь недоспѣ-

ки, погрѣшности, а можетъ
 бытъ еще и болѣе, пошому
 что она человекъ — слаба и
 наклонна ко злу, какъ и всѣ
 дѣши Еввины. Ты, можетъ
 бытъ, узналъ ее недавно.“ —
 Нѣтъ, бапюшка! — вскричалъ
 Моисей: я знаю ее цѣлой годъ,
 и увѣренъ, что она первая изъ
 всѣхъ нашихъ дѣвушекъ. Од-
 накожъ не одинъ ея спанъ, не
 одно прекрасное лице ея мнѣ
 понравились; хошя милые, дру-
 жесшвенные взоры, невинность
 начерпанная на челѣ и весе-
 лый, кропкій видъ ея прель-
 щающъ съ перваго взгляду, — но
 всего болѣе меня обворожили ея
 шрудолюбіе, ея вѣрность и
 справедливость, ея вниматель-
 ность въ дѣлахъ, ея вели-
 косъ души, копорою превы-
 шающъ она всѣхъ сестеръ сво-
 ихъ, какое-то высокое до-

стоинство добродѣтели, въ ней сіяющее, которое удалило бы отъ нея самаго дерзкаго хищника чести, и ея доброе сердце, которое всѣмъ желаетъ щастія, сострадаетъ къ злощастнымъ и не можетъ обвинить самаго ненавистнаго злодѣя. О! просните мнѣ, бапюшка! я не все еще сказалъ. Я, долго на нее смотрѣвъ, подошелъ къ ней; но она съ робостию отъ меня удалась, боясь услышать, по обыкновенному пону богачей, какое нибудь постыдное предложеніе. Однакожъ мы сдѣлались друзьями, и бесѣда съ нею есть бесѣда съ Ангеломъ! Наши сердца ввѣрились другъ другу; я не могъ тайно долго любви своей, и открылъ ей желаніе своего сердца — желаніе пламенное, единственное;

но она — нѣтъ! . . . кто не знаетъ Сусанны, тотъ не повѣритъ этому — она сама, бапюшка, просила меня, заклинала со слезами нашею дружбою, оставитъ это желаніе. Судьба, говорила она, поставила между нами непреодолимую преграду. Я бѣдная, презираемая дѣвка, а ты; — что скажешь отецъ твой?

Всѣ мои убѣжденія, всѣ мои клятвы не могли склонить ее. Вы, бапюшка, вы только можете это сдѣлать. —

Гаррушъ, сей щастливый отецъ, едва могъ скрывать радость свою; глаза его сіяли слабымъ, кропкимъ огнемъ, и каждая искра, въ немъ еще тлѣвшаяся, возгаралась опять и, подобно электрической силѣ, проницала всѣ его жилы. Опъ восхищенія будучи внѣ се-

бя, онъ не могъ говоришь; но
 вскорѣ собрался опять съ си-
 лами и сказалъ: „Молодой че-
 ловѣкъ! ты говоришь въ упое-
 ніи спраспи. Въ твои лѣта и
 въ твоемъ положеніи обыкно-
 венно любяшь мечтаешь о любви
 и представляешь глазамъ пред-
 метъ своей фантазіи; но ни-
 когда не разсмотрѣешь надлежа-
 щимъ образомъ живаго предме-
 та любви своей. Проспи мнѣ!
 я уже спаръ; огонь пылкой
 молодости погасъ во мнѣ, и
 чувствованія наши не одинако-
 вы: я вижу, когда ты чувст-
 вуешь только, и сужу, когда
 ты мечтаешь. Но положимъ,
 что описаніе, которое ты о
 ней сдѣлалъ, во всемъ справед-
 ливо, и что не украшаетъ его
 ни одна черта воображенія; но
 ты не подумалъ хорошенько о
 словахъ Сусанны: вспомни,

что она блѣдна и служанка. Дочери самыхъ именистыхъ и богатыхъ Евреевъ приняли бы твою руку, и я — это не скупость — но я смотрѣлъ бы на это охотнѣе.“ — —

— Какъ, батюшка! что вы говорите? вы — —

„Такъ, мнѣ было бы пріятнѣе, когда бы дочь богатаго Аарона“ — —

Моисей не могъ сказать ни слова; онъ блѣднѣлъ, дрожалъ и смотрѣлъ въ землю.

Гаррушъ, нѣжный отецъ, раскаявался, что оскорбилъ сердце влюбленнаго юноши. Если бы Сусанна не имѣла и половины тѣхъ достоинствъ, которыя находилъ въ ней Моисей, то и тогда бы не спалъ онъ прошивишься.

„Что тебѣ сдѣлалось, сынъ мой!“ такъ онъ началъ:

„сказалъ ли я, что отвергаю твоя выборъ? Я думалъ только, что благоразумныя представленія опца — знай, что я не такъ богатъ, какимъ считаютъ меня, и не могу тебѣ дать столько, чтобъ ты равнялся своимъ достаткомъ съ другими. Съ малымъ капиталомъ долженъ ты начать небольшой торгъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ, если процвѣтетъ жаръ любви твоей, то, можетъ быть, раскаяніе, насмѣшки богатыхъ. . . .“

— Нѣтъ, батюшка! я вооружился уже противъ всего этого. Противорѣчія для меня не новы; и Сусанна мнѣ ихъ дѣлала — но онѣ такъ мало колеблютъ мое сердце, какъ бурныя морскія волны утесы. Развѣ не лѣзя быть щастливымъ, не владея миліонами?

Я доволенъ и малымъ, бапюшка; я и съ малымъ могу быть щасливъ. Что мнѣ нужды до богатыхъ? Богъ, благословившій спада праотцевъ нашихъ, благословишь и мое малое имущество; Онъ не допустить меня и жену мою скипаться нищими. — Въ благословеніи вашемъ, бапюшка, и благословеніи Господнемъ я не сомнѣваюсь! —

„Ты его получишь!“ сказалъ Исаакъ, сей восхищенный отецъ: „получишь такое, какое далъ Богъ Іакову!“

Кто былъ теперь щасливѣе Моисея? — Мысль, что прелестная Сусанна будетъ его супругою, пролилась въ его сердце, какъ благовоніе мирръ въ душу Соломонову, когда онъ сидѣлъ возлѣ своей невѣсты.

Часть I. В

Съ сего времени все сердце Моисеево посвящено спало любви. Погруженный въ мысли, бродилъ онъ по полямъ и садамъ, и собиралъ розы или травы ароматныя для своей любезной.

Въ одно прекраснѣйшее весеннее утро Сусанна была въ саду и молилась Богу своихъ праотцевъ. Солнце во всемъ великолѣпїи сіяло надъ высокими башнями города и позлащало блестящїе шпиги, какъ позлащаетъ вершины кедровъ на горахъ Ливанскихъ. Спокойствїе и невинность украшали щеки Сусаннины, подобныя разсадникамъ, на коихъ расшумъ лиліи и розы. Простертая къ нему рука ея казалась искусно сдѣланною изъ слоновой кости, а воздымающаяся оупь благоговѣнія грудь

подобилась холму, покрытому пшеницею, копорую колеблютъ Зефиры. Лучъ солнца игралъ въ благородной слезѣ, шрепешавшей на розовой щекѣ ея — слезѣ, столь же чистой, какъ воды Эсбонскія при вратахъ дочерей Княжескихъ.

Потомъ, какъ рѣзвая серна она бросала вокругъ веселые взгляды, или смотрѣла съ восхищеніемъ на цвѣтущую у ногъ ея фіалку, какъ смотришь голубка съ вершинъ Ливанскихъ на Дамаскъ. — Цѣлое стадо агнцевъ, казалось, играло на ея шеѣ, и какъ въ полуденное время капящая золотая струя Нила, такъ лапожелтые волосы ея упадали въ локонахъ по прекрасной шеѣ.

Дщери Царскія со стыдомъ стояли бы предъ нею, и гранатовое яблоко скрывалось за

липы предъ румянцемъ щекъ
ея. Мила какъ мѣсяцъ, чи-
ста какъ солнце и крошка
какъ утренняя заря была не-
вѣста Моисеева. Въ такой про-
снопѣ и прелести увидѣлъ
свою любезную сей юноша, ко-
торой былъ и самъ не менѣе
прекрасенъ и благороденъ.

Величественной росъ его
подобился пальмѣ; его спанъ
былъ гибокъ какъ лоза виноград-
ная; его взоръ былъ взоръ моло-
даго еленя, пасущагося на хол-
махъ злачныхъ, и его бодрость
равнялась бодрости коня, спре-
мящагося къ стѣнамъ Иерусалим-
скимъ.

Такова была сія чета, ко-
торая любила другъ друга, и
которую Божество сочело.

Наступилъ день ихъ со-
единенія. Священный палатъ
былъ изготовленъ рукою Рав-
вина, и наполненный виномъ

брачный сосудъ стоялъ уже въ Синагогѣ.

Гармоническіе тоны, раздаваясь во всей сторонѣ, сопровождали любящихся въ домашній храмъ. Раввинъ и всѣ собравшіеся Евреи благословили обрученныхъ; священный сосудъ былъ выпитъ, и крикъ Maz — аои наполнялъ свѣтлыя Синагоги.

Свадьба Моисеева кончилась, и благородная чета сія проводила щастливѣйшую жизнь среди своего семейства. Сусанна скоро принесла залогъ любви, и Гаррушъ благодарилъ Небо за ниспосланное ему щастіе видѣть сына дѣшей своихъ.

Двадцать полныхъ лѣтъ прожили они въ мирномъ согласіи, щастливо и спокойно; но на двадцать первомъ году мрачная туча бѣдствія собралась

надъ домомъ Гарруша, и угро-
жала гибелью.

Неисповѣдимы тайнства
Превѣчнаго! Часто страждешъ
праведный, и судьба, для ис-
пытанія добродѣтели его, ча-
сто бросаетъ разрушающую
молнію на главу его. Такъ слу-
чилось и съ Гаррушемъ, копо-
рой въ несчастіи былъ столь
же великъ и благородень, какъ
и въ щастіи. Францъ Рапсъ
былъ причиною его несчастія.
Я оставляю на нѣсколько вре-
мени нашего Гарруша, и опишу
этого человека.

Францъ Рапсъ родился въ
Германіи. Отецъ его былъ раз-
вратной прожекширъ, кошорой
тысячью способами обманывалъ
свѣшъ; а мать была наемницею,
кошорая половину жизни своей
провела въ кормилицахъ, поче-
му и употребляла все свое спа-

раніе, чтобы каждой годъ бытъ къ сему способною.

Всѣ склонности, какія только смертной можетъ имѣть ко злу, были съ самыхъ юныхъ еще лѣтъ въ душѣ Рапса. Онъ лгалъ и кралъ еще мальчикомъ, и былъ уже образованнымъ злодѣемъ въ дѣтскомъ плащѣ. Образъ его воспитанія способствовалъ къ сему также очень много; ибо съ осьмаго еще году безпрестанно находился онъ въ обществѣ самыхъ негодныхъ людей.

Одинъ молодой Баронъ, который принялъ Рапса къ себѣ въ услуженіе, положивъ своею кистію послѣднюю черту на черномъ его сердцѣ, опдѣлалъ красками мастерское сіе произведеніе, которому другіе сдѣлали только абрисъ. Баронъ былъ игрокъ, пьяница, прелю-

бодѣй и ночной бродяга ; онъ не совѣспился лгашь и обманывашь , и образовалъ Рапса во всемъ по своему характеру.

Когда онъ сдѣлался жертвою распущенства и умеръ въ публичной больницѣ, промолвавъ напередъ все свое имѣніе, тогда Рапсъ рѣшился сдѣлаться пустынникомъ. Не знаю, какимъ образомъ досталъ онъ нужное для сего плащье ; но такой родъ жизни скоро ему опосылилъ , и онъ вздумалъ отранспроводить по свѣту пилигримомъ. Это удалось ему также ; онъ бродилъ по всей Италіи, приучилъ себя ко всѣмъ лицемѣрствамъ , и сдѣлавшись совершеннымъ ханжею, достигъ также до послѣдней степени злодѣя.

Рапсъ прошелъ почти половину свѣта. Однажды, изне-

могши опъ продолжительнаго пути, безъ силъ и въ болѣзни повалился онъ на дорогъ и лежалъ безъ памяти. Одинъ молодой купецъ, проѣзжая мимо, увидѣлъ лежащаго челоѣка; при первомъ взглядѣ возбудилось въ немъ состраданіе: онъ выскочилъ изъ коляски, возвратилъ несчастному чувство спиртами, и взялъ его въ свою повозку. Сей молодой челоѣкъ нарочно остановился на нѣсколько дней въ семъ городѣ, не щадилъ ни денегъ, ни ласкъ, и употреблялъ всѣ усилія къ совершенному излѣченію эшаго челоѣка.

Рапсъ выздоравливалъ, и естѣли въ продолженіе нѣсколькихъ дней не учинилъ онъ никакого преступленія, по это приписать должно не сердцу его, но единственно слабости

нервъ ; съ жизненными силами укрѣплялась и душа его , которая до сихъ поръ была объята сномъ , естѣли не замышляла какихъ нибудь злодѣйствъ.

Молодой человекъ , копорой толь благодѣтельнымъ образомъ пекся о Раисѣ и поступалъ съ нимъ какъ человеколюбивый Самарянинъ , назывался Измаиломъ , и былъ также Жидъ , но копорой не забывалъ правила , что Религія должна соединять людей , а не раздѣлять ихъ. Онъ дѣлалъ все , что требовалъ отъ него долгъ человека , не спрашивая у своего сердца , для кого это дѣлалъ. Довольно , естѣли предметъ сего сожалѣнія имѣлъ въ чертахъ своихъ образъ Превѣчнаго ; довольно для Измаила , естѣли онъ былъ человекъ.

Когда Рапсъ выздоровѣлъ совершенно, то Измаиль щедро одарилъ его и обнялъ съ сими словами: „Сдѣлай по же, чпо я сдѣлалъ тебѣ, еспѣли также увидишь какого нибудь нещаснаго; тогда будешь въ твоей власти помочь ему.“ Рука его обвилась около шеи Рапсовой, и слеза чувствительности капилась по щекѣ Измаиловой.

Дѣла задержали Измаила еще на нѣсколько дней въ семъ городѣ, въ которое время успѣлъ Рапсъ прибрать себѣ воровскую шайку. Страшная мысль родилась въ душѣ Рапсовой, и сердце его пишало ужаснѣйшее намѣреніе: онъ рѣшился подстеречь своего благодѣтеля на дорогѣ, умертвить его и ограбить. „Онъ Жидъ; чпожь тушь думать? прокля-

шой, которой и безъ того будешь добычею ада, и котораго кровь должно проливать столь же равнодушно, какъ и кровь скота.“ Такъ рассуждалъ сей злодѣй. Онъ положилъ непремѣнно исполнить свое намѣреніе, и подкупилъ для эшаго десятерыхъ сообщниковъ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ еще человѣчество и вздумалъ усовестить Рапса. „Прости меня, братъ!“ сказалъ онъ: „я великой злодѣй, и учинилъ множество преступленій; но при этой мысли, которую согласился мы произвести въ дѣйство, сердце мое дѣлаетъ мнѣ упреки. Скажи, Рапсъ! какъ можешь ты имѣть столько духу, что хочешь опиять жизнь у того, которой избавилъ себя отъ смерти?“

Рапсъ. Онъ Жидъ.

„Жидъ! — Развѣ Жиды не
тѣ же люди? развѣ ты менѣе
обязанъ ему благодарностію?
Измаиль не спрашивалъ, кшо
ты, когда дѣлалъ тебѣ добро;
онъ поступалъ съ тобою, какъ
съ человѣкомъ, сотвореннымъ
по образу Божію.“

Раисъ. Онъ проклятъ.

„Проклятъ! — Развѣ не
знаешь, что сказалъ Хриспосъ:
*Не осуждайте, да не осуждени
будете, и не обвиняйте, да не
обвинитъ васъ Отецъ небесный!*
Кто знаетъ судьбы Божескія?
Кто можетъ сказать: я до-
стоинъ Его милостей, а шошъ
Его гнѣва?“

Раисъ. Онъ невѣрный.

„Запрещаетъ ли Богъ не-
вѣрному пользоваться Его да-
рами? Солнце не равно ли бли-
стаетъ надъ головою Персія-

Часть I. Г

нина, приносящаго жертвы свои въ мечепи, и надъ шѣмъ, которой молился въ нашей церкви? Источникъ менѣе ли охлаждаетъ уста Еврея, нежели сколько Христіанина? — Деревья не такъ же ли цвѣтутъ въ саду Измаила, какъ и въ швомъ? и плодъ, которой оно произрастаетъ, не такъ же ли вкусенъ, какъ и швой? Христосъ сказалъ: люби своего ближняго, а не сказалъ, люби одного Христіанина; и когда спросили Его Фарисеи: кто намъ ближній? то Онъ отвѣчалъ имъ повѣстью о добросердечномъ Самарянинѣ. — Скажи, Рапсъ, кто былъ швой ближній, когда лежалъ ты больной и всѣми оставленной, и когда Измаиль сжалился надъ тобою? Отвѣчай мнѣ, и еспьли швои доводы опровергнутъ мои, то я

пойду и стану умерщвлять съ
тобою.“

Рапсъ смѣялся надъ сими
возраженіями. Удались опъ насъ,
малодушный! сказалъ онъ: ты
не достоинъ бытъ въ обществѣ
людей мужественныхъ. — —
Они оставили бѣднаго морали-
ста, и спѣшили исполнить
свое намѣреніе.

Ненависть къ другимъ ре-
лигіямъ происходитъ почти
всегда отъ злаго сердца. Боль-
шая часть людей преданы
спраснямъ, горды и склонны
къ гоненію.

Въ такомъ случаѣ самолю-
біе наше очень скоро находитъ
себѣ оправданіе, а чѣмъ усы-
пить совѣсть, выводитъ лож-
ныя заключенія. Ужасно! Жидъ
человѣкъ, а любитъ людей —
есть первый долгъ человѣче-
ства, первый долгъ Религіи.

Христіанинъ также не имѣетъ права обманывать Жида, какъ и Жидъ Христіанина. Насмѣхаться надъ Жидомъ, ругаться надъ нимъ за его Вѣру, есть жестокость и грѣхъ прошиву ближняго.

Есѣли онъ невѣрный, то заслуживаетъ не ненависть, а сожалѣніе. Наша кротость, человеколюбіе, снисхожденіе и любовь скорѣе понудятъ его обратиться въ Христіанство, нежели ненависть и насмѣшки.

Человѣкъ всегда долженъ представлять себя на мѣстѣ другаго. Есѣли бы судьба и насъ произвела на свѣтъ въ сей религіи; есѣли бы и насъ воспитали въ семъ же законѣ и по симъ же правиламъ ученія: то каково бы намъ было, когда бы съ нами поступали также? О! есѣли бы человечество навсег-

да предадо забвенію тѣ по-
ступки, которые оекорбляли
любовь къ ближнему! У Жида
отпрѣзывали половину бороды,
или клали ему въ карманъ сви-
наго сала; на что это? Развѣ
потѣ Жидъ недостоинъ поч-
тенія, копорой поступаетъ
по законамъ своихъ предковъ?
Заслуживаетъ ли онъ презрѣ-
ніе, насмѣшки? Нѣтъ! на-
смѣшки обращаются на насъ,
если мы унижаемся до та-
кихъ поступковъ и оекорбля-
емъ челоѡчество!

Оспавьте Жида бытъ Жи-
домъ, но не забывайте въ немъ
вашего ближняго; проповѣдуй-
те ему Вѣру вашу дѣлами, мо-
литесь за него ко Всевышнему,
и предоспавьте Себлагому
преклонить его сердце.

Ужаснѣйшія слѣдствія чрезъ
цѣлыя столѣтія продолжались

между людьми, кои взаимно ненавидѣли другъ друга за различныя мнѣнія о вѣрахъ; кровь человѣческая лилась ручьями и оскверняла олтари Христо-вы, олтари Учишеля любви и мира! Кажется, я слышу еще гласъ Раввина Давида Бен-Анру, копорымъ шоль убѣдительно взывалъ онъ къ человѣчеству:

„Сильнѣйшій изъ земныхъ Владыкъ! къ тебѣ возносишь гласъ свой послѣдній изъ чело-вѣкомъ, копорый спрадаешъ въ оковахъ и копорый однакожъ рожденъ царствовать — не-щасный Бен - Анру дерзаетъ предстать предъ трономъ твоимъ, дерзаетъ умолять о чело-вѣко-любіи и заклиная тебя Не-бомъ, не приносить въ жерт-ву жестокости блуждающій, отверженный народъ! Не будь шигромъ прошивъ шѣхъ, кои

такіежъ люди, какъ и ты, и
не поступай звѣрски съ тѣми,
кои носятъ также образъ Бо-
жій!

„Я имѣлъ право одинакое
съ Царями; но судьба далеко
отбросила меня отъ прона.
Увы! нѣтъ болѣе священнаго
ковчега — сильные Израиля во
гробѣ, только я живу еще,
живу Царемъ несчастныхъ не-
вольниковъ, копорыхъ влекутъ
на смерть! Тамъ съ высотъ
Ливанскихъ представляется
еще глазамъ моимъ среди тѣ-
нистыхъ кедровъ святыня Бо-
жія, — храмъ Соломоновъ, Содро-
гающійся взоръ мой останавли-
вается на его развалинахъ; я
вижу, какъ устремляются на-
роды на малой остатокъ зло-
получнѣйшихъ изъ людей,
вижу, какъ возстаютъ цѣлыя

часпи свѣта, чшобы попрашь
пылинки беззащипныя!

„Я не жаловался бы на
васъ, Цари земные! я цѣловаль
бы мечъ вашъ, еще дымящійся
кровію моихъ брашій, естѣ-
либъ вѣ имѣли причину испреб-
лять сіи ашомы. Скажите,
нарушили ли они порядокъ и
успройство между вашими под-
данными? Попрясли ли когда
нибудъ ваши проны? дерзнули ли
коснуться діадемы? Естѣли это
правда, то я приговоры ваши
почту осужденіемъ Божіимъ; но
естѣли не находите ихъ ни въ
чемъ виновными, кромѣ того,
что они попомки Іаковлевы,
то умилосердишесь надъ ними,
и не проклинайше ихъ, кои
посшупаютъ по законамъ сво-
ихъ предковъ!

„Но что пользы въ моихъ
предсшавленіяхъ? что пользы

въ слезахъ моихъ? Клевета все еще приписываетъ намъ всѣ роды гнусныхъ дѣяній, и облыгаетъ насъ въ каждомъ преступленіи. Опустошаетъ ли ярость непріятельская ваши границы, — то насъ считаютъ орудіемъ его жестокоубіи; умерщвляетъ ли когонибудь злодѣй, — то на насъ жалуются въ его убійствѣ; разпростираетъ ли зараза ядовитыя испаренія на ваши земли, или гнилость разтворяетъ ядомъ водоемы ваши, — то вы бываете столь жестоки, что обвиняете насъ въ сихъ случаяхъ, зависящихъ отъ воздуха; есѣли бы даже звѣзды выступили изъ круговъ своихъ, — то и тогда бы не избавились мы отъ вашего обвиненія, и дѣйствія природы были бы приписаны злоухищреніямъ Израильшянъ.

„Ужасныя злодѣянiя, ко-
имъ непричастенъ ни одинъ
изъ моихъ братiй, опягчають
невиннаго цѣпами и влекутъ
его на страшныя изшязанiя.
Этого мало, что народъ нашъ
обременяють тяжкими налога-
ми, но еще жизнь нашу отда-
ють на волю фанатикамъ (*);
а изобрѣтательное воображенiе
выдумываетъ для насъ такiя

(*) Въ Лѣтописяхъ Бретаньскихъ
находится жалостное о семъ пред-
метѣ замѣчанiе. Въ 1239 мѣ году
узаконено Чинами помянутой об-
ласти, чтобы тотъ, кто за-
нялъ у Жида деньги, не возвра-
щалъ ему оныхъ, и чтобы того,
кто убьетъ Еврея, не считали
убийцею.

D'Argentrè Hist. de Bretagne, liv.
4, ch. 23.

Сколь жестокъ сей законъ,
и сколь оскорбляетъ оный чело-
вѣчество!

казни и мученія, которыя ужа-
сають Природу. Здѣсь кровь
льется подъ сѣкирою, шамъ
прещамъ подъ колесомъ раз-
дробляемыя кости, а шамъ пы-
лаешъ на кострахъ огонь, —
но ни опчаяніе, ни смерть не
могутъ изпоргнуть у насъ про-
клятія на Провидѣніе!

„Естьли Небо любитъ васъ
болѣе, нежели насъ; естьли Оно
низпослало намъ свѣтъ истин-
ной Вѣры: то имѣете ли пра-
во насъ за то ненавидѣть,
что мы не имѣемъ сего небес-
наго дара? Ваша Вѣра учишь
васъ молиться за невѣрующихъ,
а не питать къ нимъ ненави-
сши и не гнать ихъ.

„Скажете, можно ли бытъ
намъ такими людьми, какихъ
пребуютъ общественные уста-
вы, не имѣя съ людьми обра-
щенія? Можно ли жить намъ

въ какомъ нибудь обществѣ ;
не имѣя отношенія къ сему
обществу? И такъ , что зна-
чаютъ ваши эшафоты , копо-
рые для насъ вы построили ?

„Спросите палачей вашихъ :
что такое мы въ человѣче-
скомъ обществѣ ? Если мы
ваши непріятели , то и по-
ступайте съ нами какъ съ не-
пріятелями — этого пребу-
ютъ права естественныя. Если-
ли мы побѣжденные , покорен-
ные вами , то не забывайте
должности побѣдителей пос-
тупать съ побѣжденными че-
ловѣчески. Какая вамъ честь
преслѣдовать безоружной , без-
защитной народъ ? какой въ
этомъ триумфъ , если вы
ранили того , кто лежитъ уже
полумертвой у ногъ вашихъ ?
Если мы граждане вашего
владѣнія , то судите насъ по

вашимъ законамъ; да и гдѣ законъ, копорой бы оправдывалъ несправедливости, намъ причиняемыя? Еслили счищаете насъ дикими, то поступайте съ нами по законамъ Природы.

„О вы, сильные! склоните слухъ вашъ ко гласу Природы, проникающему къ вашимъ тронамъ; онъ одинъ нашъ защитникъ! Не слушайте предразсудковъ, но слѣдуйте движенію сердца! Не играйте нашею жизнію, нашимъ имѣніемъ; то и другое поручилъ вамъ Отецъ природы. И такъ должно ли употреблять во зло ту власть, копорую Онъ далъ вамъ?

„Просшите мнѣ! я говорю для людей, не для умовъ, омраченныхъ предразсудками, не для сердець кровожадныхъ, кои тучнѣютъ отъ челове-

Часть I.

Д

ской крови, какъ жрецы во храмѣ Сатурновомъ.

„Посмотрите, до какой степени унижено въ насъ чело-вѣчество! Лишенные всѣхъ правъ гражданскихъ, мы должны — почти во всѣхъ мѣстахъ Европы — содержать себя одною торговлею. Торговля есть единственное средство, которое остается у насъ для пропитанія; а еще удивляюсь, что между нами есть обманщики! Какой другой родъ промышленности сопряженъ съ такою опасностію для моральнаго характера, какъ торговля? Оглянитесь на купцовъ своихъ, и вы увидите, можете ли изъ нихъ кто нибудь выдержать вѣрную пробу честности.

„Какой возвышенной характеръ, какое тщательное

образованіе души потребны для сего только опаснаго предпріятія! — Удивительноли, что люди приходятъ въ заблужденіе и спановятсѣ злыми опъ обстоятельствъ? Какъ можно изъ одной части заключать худо о цѣломъ? Подумайте, что мы также люди, что большая часть между нами и вами состоить изъ бѣдныхъ и несчастныхъ; недоспапокъ воспитанія, бѣдность и несчастіе легко могутъ сдѣлать людей порочными. Для вашихъ открыты тысячи различныхъ путей къ пріобрѣтеніямъ; для насъ только одинъ: почему удивительноли, что нуждающійся часто прибѣгаетъ къ обману?

„Не думайте, чтобы я защищалъ обманщика; однако и обманщикъ, хотя достоинъ

наказанія, все оспается чело-
вѣкомъ, и справедливый Су-
дїа никогда не забудетъ, что
могутъ сдѣлать изъ челоѣка
обстоятельства.

„У Жида такія же потреб-
ности жизни, какія и у Хри-
стіанина: онъ оцущаетъ го-
лодь и жажду; онъ имѣетъ
чувства дружбы и любви; на-
ши жены, наши дѣти споль-
же для насъ дороги, какъ для
васъ ваши; мы спрадаемъ, какъ
и вы, еспьли видимъ ихъ по-
мящихся голодомъ, и чтобы
прокормить ихъ, также спа-
раемъ чпо нибудь прїобрѣспъ
себѣ. Когда опняты у насъ всѣ
средства къ полученію выигры-
ша, а оспалось одна только
торговля, и то весьма огра-
ниченная, то не натурально
ли изъ того слѣдуетъ, что
нѣкоторые изъ насъ не всегда

поступающъ такъ , какъ должно ?

„Повторяю вамъ , что не защищаю ростовщика и обманщика; но и сей обманщикъ, хотя и Жидъ, не всегда бываетъ злодѣемъ. Чего не можетъ сдѣлать изъ чловѣка бѣдностъ и самолюбіе !

„Будьте справедливы, изслѣдуйте положеніе чловѣка, прежде нежели сдѣлаете о немъ заключеніе , и разсмотрите , не былиль когда нибудь неодуманны ваши въ разсужденіи насъ требованія. Мы также способны къ великимъ добродѣтелямъ и великимъ порокамъ; наши души образуются также ошъ обстоятельствъ и воспитанія ; однимъ словомъ , мы такъ , какъ люди , во всемъ вамъ подобны ; только наша религія и наша участь разлу-

чають насъ съ вами; а что насъ
разлучаетъ, то же самое долж-
но и соединять.

„Христіане! ваша Вѣра
учитъ васъ любви къ ближне-
му, такой любви, которая
не ограничивается никакимъ сло-
вомъ, не дѣлаетъ исключенія
никакому имени — такой люб-
ви, которой божественный лучъ,
прошекая отъ востока солнца
до запада, озаряетъ всѣ поя-
сы и благотворнымъ образомъ
соединяетъ всѣхъ, кто толь-
ко называется человѣкомъ. На-
ше право на вашу любовь спра-
ведливо, и основывается на са-
момъ вашемъ святомъ Законѣ.
Но если нѣкоторые только
между вами счищаютъ насъ вра-
гами Христіанъ, то вы, благо-
роднѣйшіе, напомните имъ при-
мѣръ умирающаго вашего Учи-
теля, Который на крестѣ же

простилъ врагамъ своимъ, Который не мстилъ за Себя, хотя имѣлъ власпъ мспитъ, и Который укорялъ за то ученика Своего, что онъ обнажилъ мечъ.

„Такимъ - то образомъ ваша Религія можетъ соединитъ насъ съ вами; такимъ - то образомъ наша учаспъ можетъ приблизитъ насъ къ вашему сердцу!

„Жалоспъ возбуждаютъ наши обспояпельспва, наше положеніе; будьте чловѣколюбивы — вопъ ваша должноспъ, а прочее предоспавъте нашему Создателю!“

Такъ, кажется, говорилъ нѣкогда Давидъ Бен - Анру; такъ, кажется, говоритъ и разсудокъ очень внятно для того, кто привыкъ внимать его священному гласу: но какъ нечувствительны проходятъ са-

мыя благородныя наставленія
 разсудка мимо шѣхъ сердець,
 копорыя окаменѣли отъ пред-
 убѣжденій! Благодареніе Превѣч-
 ному, что солнце человѣчест-
 ва и разсудокъ уже разсѣяли
 запмѣніе, скрывавшее нѣкогда
 Европу подъ мрачнѣйшимъ по-
 кровомъ ночи, въ которую
 считали за добродѣтель умерщ-
 влять человѣка, и за угожде-
 ніе Всесильному, естѣли мечъ
 нашъ пронзалъ грудь невѣрнаго!

По достовѣрному изчисле-
 нію, свѣтъ лишился отъ не-
 нависши къ иновѣрцамъ
 33,095,390 человѣкъ — столько
 ужаснаго множества, что серд-
 це человѣческое обливается кро-
 вію, Религія скрываетъ слез-
 ный взоръ свой, и Богъ, Учи-
 тель любви и мира, кажется,
 взываетъ съ небесъ: Жаль, что
 сотворилъ Я человѣка! Но те-

перъ , когда родъ человѣческій
поспешенно достигъ до истин-
ныхъ понятій , когда послѣ
бурь, толь страшныхъ, началъ
вѣять по опустошеннымъ спра-
намъ кропкій западный вѣтръ
человѣколюбія, — теперь благоу-
хають тамъ цвѣты мира, гдѣ
прежде спояли зловредныя пер-
нія, и Граціи человѣчества
вьютъ изъ розъ вѣнки, чщобы
во храмъ любви къ ближнему
шоржествовалъ праздники въ
честь человѣчеству.

Сколь прекрасны и благо-
родны всѣ сіи истины, сколь
глубоко должны онѣ проникать
сердце человѣческое, столь ма-
ло чувствуютъ ихъ нѣкоторыя
души, и въ числѣ сихъ на-
ходилась душа Рапсова.

Онъ не внималъ гласу чело-
вѣчества, говорящему толь убѣ-
дительно сердцу его, тако-

му сердцу, которое уподоблялось овдовѣвшему дубу, уже обнаженному осенью и не имѣющему ни одного листочка, которой бы въ кропкой часъ осени могло колебать дуновение зефира. — Съ сердцемъ шигра, спрегущаго своей добычи, застѣлъ Рапсъ возлѣ дороги.

Тогда были сумерки; солнце бросало еще нѣсколько слабыхъ косвенныхъ лучей на елевой лѣсъ, коего высокія вершины красила вечерняя заря своимъ розовымъ свѣтомъ. Торжественная тишина царствовала по всему лѣсу и, кромѣ дрозда, не пѣла уже ни одна птица. Иногда пролетала летучая мышь, и лягушки, квакая въ ближнемъ прудѣ, напѣвали усыпляющую пѣснь свою.

Измаиль сидѣлъ спокойно въ своей коляскѣ, и чистая

душа его занималась красотою вечера. Почтовой рожокъ раздавался уже по лѣсу и былъ слышанъ внимающему уху Рапса. Онъ скрывался въ засадѣ, и какъ волки успремляющся на стадо овецъ, такъ успремился Рапсъ съ своими сообщниками на Измаила. Они, умертвивъ его слугу, выпатили несчастнаго изъ коляски и били немилосерднѣйшимъ образомъ. Рапсъ все уже ограбилъ, а Измаиль лежалъ на дорогѣ въ крови своей. Тогда злодѣй подошелъ къ умирающему и закричалъ ему на ухо: *Жидъ! я тотъ, котораго ты спасъ!* Измаиль, услышавъ голосъ, открылъ еще разъ глаза свои, и слезы омыли капли смертнаго поту, выступившаго на щекахъ его. *Да проститъ тебя Богъ твоей, какъ и я тебя прощаю!* произнесъ

онъ умирающимъ голосомъ, и закрылъ глаза; луна, въ послѣдній разъ блеснувъ на омертвѣвшемъ лицѣ его, сокрылась за черныя облака. Молніи начали сверкать на небѣ; громовая туча, черная какъ ночь, взошла на горизонтъ; поднялась буря, и удары грозы загремѣли по лѣсу: казалось, что Природа возспала противу своего изверга и возмутила стихіи на опомщеніе за обиженное человѣчество; Рапсъ убѣжалъ въ ущелину одной горы, сотворенную для змѣй и подобныхъ ему челоуѣковъ.

Около полуночи небо опять прояснилось, и одинъ бѣдной носильщикъ, котораго застигла гроза и задержала на пути въ его хижину, съ духомъ спокойнымъ неся на плечахъ связку дровъ, спѣшилъ въ свою де-

ревню. Эпоть старой честной крестьянинъ нашель на Измаила, которой безъ чувствъ лежалъ въ крови своей. Тотчасъ, сбросивъ съ себя ношу, началъ онъ помогать израненному. Не думая долго, снялъ носильщикъ съ себя рубаху, разорвалъ ее на л о с к у ш к и и перевязалъ Измаиловы раны. Спусти нѣсколько минушъ поднялъ его на плеча и понесъ въ свою хижину.

Жена бѣднаго носильщика, оставивъ свою постелю, положила на нее больного. Призвали по сосѣдству живущую лѣкарку, добрую женщину, и прилагали всѣ силы къ избавленію израненнаго отъ смерти.

По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, Измаиль пришелъ въ чувство; увидѣлъ около себя людей добродушныхъ, и

Ч а с т ъ 1.

Е

пропянулъ къ нимъ руку свою, еще орошенную смертнымъ потомъ. Единое пожатіе руки сказало имъ, сколь глубоко чувствовалъ онъ благородной сей поступокъ. Спустя нѣскольکو дней, когда Измаиль могъ говорить, разсказалъ онъ носильщику обо всемъ произшествіи. Сей, проливая горькія слезы, часто повторялъ ему: „О, еспьли бы могъ я истребить все зло, которое причинилъ тебѣ эшопъ варваръ! Прѡспи мнѣ, чшо не могу болѣе помочь тебѣ! Я человекъ бѣдной, и мнѣ это очень больно! Еспьли бы имѣлъ я болѣе, то болѣе бы для тебя и сдѣлалъ.“

— Ты и такъ очень много для меня сдѣлалъ, — отвѣчалъ Измаиль: знаешь ли ты, чшо я Жидъ? — „Жидъ ли ты, или Турокъ, однакожъ все человекъ.“

По моей Вѣрѣ каждой несчастной напоминаешь мнѣ о моемъ Богѣ; что я дѣлаю для ближняго, то дѣлаю для Него, и не хочу, чтобы въ день судный сказано мнѣ было: Возжаждахъ, и не напоисте мене; взалкахъ, и не дасте ми ясти; нагъ бѣ, и не одѣясте мене. Мой законъ коротокъ: Люби Бога паче всего, люби своего ближняго какъ самаго себя — вошъ мои правила! вошъ мѣра дѣлъ моихъ!“

Такъ говорилъ носильщикъ и пекся о Жидѣ, какъ о своемъ сынѣ; но не смотря на всѣ старанія, копорыя въ такомъ мѣспѣ о немъ прилагали, раны Измаиловы сдѣлались опасными; лѣкарка опчаялась о его выздоровленіи; да и самъ Измаиль черезъ пять дней почувствовалъ приближеніе смерти. Онъ

просилъ бѣднаго носильщика чистить ему Давидовы Псалмы, копорой исполнилъ это и доставалъ еще Библию; когда же дошелъ онъ до мѣста: *Упова душа моя на Господа, зане Онъ помощникъ нашъ и покровитель — шупъ Измаиль скончался.*

Бѣдной носильщикъ плакалъ о немъ опъ всего сердца. Онъ пошелъ въ судъ и просилъ, чшобы ему позволили погребсти Измаилово пѣло въ его саду. Получивъ на это позволеніе, вырылъ онъ на концѣ сада, гдѣ стояла высокая лица, глубокую яму, зарылъ въ нее пѣло Измаилово, и около могилы насадилъ дикихъ розъ. Священникъ того селенія приказалъ сдѣлать урну и вырѣзать на камнѣ слѣдующую надпись:

Собратъ нашъ , Еврей Из-
маилъ ! покойся съ миромъ !

Дѣти носильщиковы часто
игрывали на семь мѣстѣ , и
когда весною разцвѣпали цвѣ-
пы , то они , слепая вѣнки
изъ нихъ , говорили: „Украсимъ
ими могилу Измаила , о копо-
ромъ такъ часто рассказывалъ
намъ бапюшка !“

Въ Измаиловомъ плащѣ
нашелся кошелекъ со ста чер-
вонными, копорый вырвалъ слу-
чай изъ когтей Рапсовыхъ , и
копорой нашли не прежде ,
какъ послѣ его смерти , попо-
му что носильщикъ не забопил-
ся о наградѣ. Сей честной че-
ловѣкъ принесъ его въ судъ.
Судья хопѣлъ всѣмъ кошель-
комъ наградишь его за человѣ-
колюбіе ; но онъ взялъ изъ не-
го только половину, а другую
просилъ назначишь въ награж-

деніе тому, кто сдѣлаетъ добро какому нибудь несчастному Жиду, проѣзжавшему чрезъ сію сторону. Изъ пятидесяти червонцевъ заплашилъ носильщикъ лѣкаркѣ, роздалъ спогульденовъ бѣднымъ, а остатокъ удержалъ у себя, назначивъ его въ наслѣдство своимъ дѣтямъ съ такимъ условіемъ, чпобы они всякому человѣку, какой бы вѣры онъ ни былъ, дѣлали добро по возможности.

Съ эшаго времени сдѣлался щаспливымъ сей доброй человѣкъ, благословеніе Господне наградило благодѣтельное его сердце, и въ домѣ его царствовало довольствіе. Онъ провождалъ дни щаспливые, дожилъ до глубокой старости, увидѣлъ внука, и наконецъ въ одинъ весенній вечеръ уснулъ сномъ крошкимъ подлѣ

самаго того мѣста, гдѣ плѣ-
ли кости Измаиловы. Умирая,
обращилъ онъ въ послѣдній разъ
взоръ свой на могилу, и гово-
рилъ своимъ дѣтямъ: „Любез-
ныя мои! не раскаивайтесь ни-
когда въ добромъ дѣлѣ; оно
наградитъ васъ сладчайшею
радостію. Мнѣ кажется, я
вижу тѣнь Измаилову, вижу,
какъ она молитъ за меня Все-
вышняго, и Сей милоспиво про-
стираетъ ко мнѣ Свою десни-
цу: Я былъ болѣнь, и ты
обо Мнѣ пекся; поди, Я за это
воздамъ тебѣ!“ — Такъ гово-
рилъ носильщикъ; глаза его за-
крылись, и улыбка удовольств-
вія была видна еще на умира-
ющемъ лицѣ его.

Между тѣмъ, какъ все сіе
происходило, Рапсъ какъ хищ-
ный волкъ, еще окровавленный
разшарзанною имъ добычею,

бродилъ по лѣсамъ. Тысяча желаній возбуждались въ его душѣ, и онъ изчислялъ уже тѣ наслажденія, копорыя надѣялся получишь опъ своей побѣды. Когда начало разсвѣпашъ послѣ той ужасной; ночи, въ копорую Рапсъ учинилъ гнуснѣйшее изо всѣхъ злодѣяній, легъ онъ подъ однимъ уединеннымъ дубомъ, споящимъ на холмѣ, и смопрѣлъ на городъ, копорой находился опъ него въ небольшомъ опдаленіи.

Тамъ, говорилъ онъ, шамъ, въ этомъ жилищѣ людскихъ пороковъ и пресупленій хочу я наслаждапсъ щаспливою жизнію! Деньги у меня еспъ, чегожъ болѣе надобно? Никпо не спросишь у меня, гдѣ я взялъ ихъ, еспъли только не измѣню себѣ. Тамъ цѣняпъ до-стоиствва по деньгамъ и ува-

жають по плашью. Эпопъ мешаллъ удовольствовишь всѣ мои желанія; пойду и спану имъ пользоваться.

Рапсъ пришелъ въ Лиссабонъ. Нѣсколько времени жилъ онъ въ пракширѣ весьма роскошно и получалъ опъ многихъ посѣщенія. У кого есть деньги, хорошій споль и карпешная игра, попъ скоро находишь себѣ друзей. Какой онъ доброй, честной человекъ! такъ говоряшь всѣ: выпьемъ за его здоровье! Да здравствуетъ нашъ меценапъ! Шампанское шумишь въ головахъ и производишь дружескія объятія, которыя споль же ненадежны, какъ и дѣйствіе вина сего. Такъ обыкновенно бываетъ на свѣтѣ. Судяшь о человекѣ большею частію по наружности: интересъ и самолюбіе ослѣпля-

юшъ наши глаза, и мы часто уважаемъ тѣхъ, кои заслуживаюшъ одно презрѣніе. Злодѣй можешъ жить на свѣтѣ спокойно и щасливо, есѣли онъ умѣешъ искуснымъ образомъ притворствовати.

Таковъ былъ Рапсъ. Нащепъ имѣнія несчастнаго Измаила онъ великолѣпно одѣвался, нанималъ служителей и карету и, въ глазахъ черни, копорая всегда судитъ о чловѣкѣ по наружности, игралъ весьма важную роль. Правда, иногда мрачная мысль раждалась въ его душѣ и тайно упрекала его въ злодѣйскомъ поступкѣ; но онъ успокоивался опяшъ, какъ скоро произносилъ сіи слова: Вѣдь онъ былъ Жидъ!

Для чловѣчества нѣтъ ничего опаснѣе заблудившейся совѣсти, и однако весьма мно-

го найдется на свѣтѣ людей съ такою совѣстію. Наше самолюбіе даетъ скоро самому худому поступку видъ хорошій, и мы не думаемъ много о гнусныхъ дѣлахъ, нами учиненныхъ. Естли бы эшаго не было, то всякой богачъ, коптой сидитъ спокойно на мѣшкахъ съ деньгами, похищенными имъ у тысячи семействъ, былъ бы загадкою въ Природѣ.

Рапсъ долго жилъ въ Лиссабонѣ, и посѣщалъ весьма хорошія общесства; но когда бросилъ онъ взглядъ на казну свою, то увидѣлъ къ своей горести, что деньги его исчезали, почему и началъ думать о средствахъ умножить ихъ.

Грабежъ и убійство, говорилъ онъ самъ съ собою, не всегда могутъ быть удачны; да и столь богатые Жиды,

каковъ былъ Измаиль, проѣзжающъ очень рѣдко: и шакъ мнѣ должно прибѣгнуть къ другимъ средствамъ доставать деньги. Работать я не хочу—да и не могу, потому что опытъ этого съ самаго еще дѣтства. И такъ за чтожъ принялся? за что? — За ремесло бродягъ и шарлатановъ. Оно состоитъ въ играхъ, въ искусствѣ обманывать людей простосердечныхъ, вкрадываясь въ дома, заводя любовныя интриги; однимъ словомъ, оно заключаетъ все то, чрезъ что можно кормиться на чужой щепъ.

Такъ думалъ Рапсъ, и рѣшился произвести въ дѣйство планъ свой.

Когда Рапсъ, погруженъ будучи въ размышленія, прохаживался однажды на гуляньѣ,

увидѣлъ онъ нечаянно прекрасную молодую женщину. Прелестной станъ ея, благородные ея взоры — все подстрекало въ немъ любопытство узнать прекрасную незнакомку. Онъ вездѣ развѣдывалъ, и узналъ, что это была Сарра, дочь богатаго купца Гарруша. Назвавшись Кавалеромъ *де ла Рапсомъ*, вошелъ онъ въ Гаррушевъ домъ подъ предлогомъ покупки дорогихъ каменьевъ.

Гаррушъ, которой принималъ хорошо всякаго, обошелся съ *де ла Рапсомъ* весьма почтительно, какъ должно было обойтись съ благовоспитаннымъ дворяниномъ. Рапсъ, принявъ на себя смиренную харю, такъ прекрасно умѣлъ сыграть роль Таршюфа, что въ короткое время сдѣлался искреннимъ другомъ Гарруша, и ходилъ къ не-

му каждой день. До сихъ поръ онъ все еще скрывалъ свои умыслы въ разсужденіи Сарры, не подавая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ жилъ такъ хорошо, такъ скромно, что Гаррушъ щипалъ Кавалера дела Ранса самымъ благороднымъ человекомъ.

Такъ проводяшъ всегда людей простосердечныхъ; имъ должно бышъ оспорожнѣе, ибо простосердечному свойственно судишъ о другихъ по себѣ; а изъ эшаго необходимо слѣдуешъ, что изъ десяти человекъ вѣрно девятеро обманушъ его. Простодушнаго всегда дурачатъ въ болішомъ свѣтѣ. Чшо жъ дѣлать? Когда идущъ вверхъ по лѣспницѣ, то не оглядывающоя назадъ, но все емопрятъ впередъ.

Гаррушъ , цѣлой годъ обра-
щаясь съ де ла Рапсомъ ,
возымѣлъ къ нему наконецъ со-
вершенную довѣренность. Онъ
благодарилъ Небо, что Оно по-
слало ему такого благороднаго
и честнаго человека.

Въ одинъ день, когда Гар-
рушъ сидѣлъ съ мнимымъ сво-
имъ другомъ , когда сердце его
упивалось умиленіемъ , когда
вся душа его была въ сильномъ
движеніи , слезы капились по
его щекамъ и нѣжныя обѣщанія
запечатлѣвали дружбу — въ
сію минуту Гаррушъ открыл-
ся во всемъ своему другу , и
объявилъ , что онъ хочетъ ос-
тавить Лиссабонъ; ибо въ семъ
городѣ свобода Іудейской вѣ-
ры ограничивалась законами.
Рапсъ , обнявъ Гарруша , ободр-
рилъ его намѣреніе и , въ дока-
зательство искренней своей

дружбы, открылся ему, что онъ и самъ Жидъ, и что об-
стоятельствва заставили его
упаевать свою вѣру. Для вящ-
шаго увѣренія, онъ показалъ
ему нѣкопорыя бумаги, кои
принадлежали Измаилу, назвал-
ся Измаиломъ, и обмануль Гар-
руша самымъ гнуснымъ обра-
зомъ.

Теперь время, думалъ
Рапсъ, воспользоуясь щасп-
ливою минутою; оживошворен-
ная душа Гаррушева располо-
жена по моимъ мыслямъ, и
шакъ должно ковать желѣзо,
пока оно горитъ. — Рапсъ сдѣ-
лалъ предложеніе опправитъ
въ Англію. Гаррушъ согласил-
ся, и положился во всемъ на
друга своего де ла Рапса.

Все имѣніе Гарруша пре-
вращено было въ наличныя день-
ги; Рапсъ нанялъ уже корабль,

и все богатство нашего Іудея перенесено было на оной. Уже назначенъ день къ отъѣзду, и Гаррушъ со всѣмъ своимъ семействомъ цѣлую ночь молился Богу о дарованіи ему благословенія и защиты.

Какъ скоро началъ разсвѣтъ назначенный къ отъѣзду день, тогда Рапсъ пришелъ въ комнату къ Гаррушу. Корабль дожидается, сказалъ онъ: позволь отвезти напередъ дочь твою, потомъ приходи и ты съ своею женою, сыномъ и невесткою.

Не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія, подобно невинному агнцу, ведомому на закланіе, слѣдовала Сарра за другомъ отца своего. Она взошла на корабль — и въ изумленіи произнесла громкой вопль, когда оной отвалилъ отъ берега и пушил-

ся въ море безъ ея семейства. Гдѣ мой отецъ? гдѣ друзья мои? восклицала Сарра. — Въ темницѣ, отвѣчалъ Рапсъ: ты никогда ихъ не увидишь. Покорись — ты въ моей власти! — Обманутая безъ чувства поверглась на полъ; а Рапсъ, приказавъ опнести ее въ самую нижнюю часть корабля, между пѣмъ быстро удалялся съ дочерью и имѣніемъ несчастнаго Гарруща.

Когда отецъ пришелъ съ своимъ семействомъ на берегъ, то окруженъ былъ солдатами; на него наложили тяжкія оковы и какъ злодѣя пощадили бѣднаго въ темницу; ибо Рапсъ оклеветалъ его предъ правительствомъ въ убійствѣ Измаила, и представилъ въ судъ доказательство.

Напрасно проливали слезы, напрасно обнимали колѣна; тамъ не внимали воплямъ невинности: ибо не знали еще злости сего діавола въ человѣческомъ шѣлѣ, и участь Гарруша была еще тайною въ глазахъ правосудія.

Сарра пробудилась опъ своего обморока; поска и ужасъ овладѣли ея душею. „Гдѣ я?“ восклицала она; „гдѣ я, бѣдная, оставленная? гдѣ отецъ мой? гдѣ братъ?“ Она взошла на верхъ и, съ смертною блѣдностію на лицѣ, съ дрожащими колѣнами, приблизилась къ своему похищенію. „Жестокой!“ начала она говорить: „не шитрово ли сердце бьется въ груди швоей подъ личиною священнѣйшей дружбы? Для того ли ты вошелъ въ домъ нашъ, чтобы сдѣлать насъ несчастными?“

Естьли для однихъ денегъ ты унижилъ себя предъ челове́чествомъ, для чего не удовольствовался сею одною добычею; для чего сдѣлалъ меня совершенно злополучною? Возврати мнѣ родителей! Не уже ли не имѣлъ ты отца? не уже ли сердце твое никогда не чувствовало дѣтской любви? Возврати мнѣ его! Мы уступаемъ тебѣ все наше имѣніе, мы все отдадимъ тебѣ, только будь человекомъ и сжался надъ несчастною!“ — такъ говорила Сарра, и слезы капились по ея щекамъ, грудь ея воздымалась отъ вздоховъ, и руки ея невольно просширались къ небу. Подобно осужденной на смерть, съ поникшею головою стояла она передъ злодѣемъ и опирала волосами непрестанно льющіяся слезы; но сердце Рапсово не чувствовало ни ма-

лѣйшей жалости, Онъ съ холодностію смотрѣлъ на ея спраданія, улыбался и не говорилъ ни слова. Новая горестъ овладѣла бѣдною Саррою. Если душа твоя совершенно ожесточилась, продолжала она, рыдая; если всѣми твоими фибрами овладѣла неисповодная злоба; если для однихъ преступленій кровь печешь въ твоихъ жилахъ и согреваешь твое сердце; если слезы невинности безплодно льются предъ тобою; если рыданія угнѣтенной не поражаютъ твоего слуга; — да умилосердится надо мною Отецъ небесный; къ Нему я прибѣгаю, бѣдная, оставленная во власти хищника; Его умоляю на колѣнахъ! Если ухо Его внимаетъ воплямъ cadaго творенія, то Онъ услышитъ и меня — услышитъ

и опшмспивъ за оскорбленное
человѣчество, избавишъ угнѣ-
щенную невинность! Тебя, Без-
конечный! молю о спасеніи и
помощи!“

Такъ вопіяла Сарра, и въ
волнахъ моря раздался глухой
шумъ; солнце покрывалось шу-
чами; морскія рыбы появлялись
на поверхности водъ и пред-
вѣщали наступающую бурю.

Вдругъ мрачная ночь пок-
рыла все пространство моря,
засверкали молніи и ужасная
буря понесла корабль по мор-
скимъ волнамъ. —

Смятеніе царствовало на
кораблѣ; кормчій потерялъ всю
надежду, и Рапсъ, какъ пре-
ступникъ, ожидалъ съ трепе-
томъ своей смерти. Одна Сар-
ра была спокойна при семъ
ужасномъ явленіи, и уподобля-
лась розѣ, копорую срывающъ

съ куста и бросающъ въ воду, но которая, будучи добычею волнъ, не теряетъ своего цвѣта и прелести, и остаётся все ещё розою, хопя и тонетъ.

Спокойно ожидала Сарра своей участи, какъ вдругъ спрашной порывъ вѣтра бросилъ корабль на подводной камень и разбилъ его на мѣлкія части. Тщешно Рапсъ и его спутники умоляли Небо о помилованіи; всѣхъ ихъ поглотила морская бездна: одна Сарра была выброшена на мѣль, гдѣ до самой упренней зари лежала она въ смертномъ снѣ.

Солнце взошло на горизонтъ, и воздухъ сдѣлался опять чистъ. Легкія облака висѣли на тверди небесной, когда лишенная силъ Сарра открыла томные глаза свои. Она привсѣла, и опершись одною

рукою на песокъ, простерла
 другую къ Небу. Благодарю
 Тебя, Всесильный! за избавленіе
 меня отъ рукъ варвара! произ-
 несла она слабымъ голосомъ:
 теперь я опять въ нѣдрахъ
 Природы, въ отдаленіи отъ
 всѣхъ людей, и не спашусь
 болѣе ничего. Здѣсь, гдѣ я такъ
 бѣдна и обнаженна, какъ сія
 скала, возвышающаяся надъ
 мною — здѣсь ни одинъ чело-
 вѣкъ не спанетъ мнѣ завидо-
 вать. Ахъ! для чего не роди-
 лась я на какомънибудь остро-
 вѣ, дабы не знала другихъ по-
 требностей, кромѣ природныхъ.
 Здѣсь какойнибудь де ла Рамсъ
 не дерзнулъ бы нарушать мир-
 ныхъ моихъ радостей; здѣсь
 не имѣлъ бы онъ случая изъ жад-
 ности къ деньгамъ сдѣлать
 насъ злополучными. О тебѣ
 всѣхъ тварей! Ты открылъ

мнѣ, что такое есть истинное счастье. Если бы здѣсь были со мною родители, то мы ничего болѣе не желали бы, какъ только покрываться листьями и питаться плодами и кореньями, подобно первому человеку, и были бы гораздо счастливѣе нѣхъ людей, которые живутъ въ городахъ. —

Такъ, Сарра! ты говоришь правду. Человѣкъ въ первобытномъ состояніи очень мало имѣлъ потребностей; однѣ только Государства умножили ихъ. Здѣсь промѣняли мы истинное счастье жизни на мнимое, потеряли свою свободу, построили себѣ мрачныя шемницы и сковали цѣпи, насъ обременяющія. —

Ахъ, добрая Сарра! какъ часто исполняюсь я сими священными чувствованіями, симъ

Часть I.

3

внушеніемъ Природы, когда въ удаленіи отъ людей брожу по мѣстамъ уединеннымъ, или въ тихіе часы ночи мечтаю подъ сѣнію деревъ! Какъ пусты для меня всѣ радости жизни, какъ пошло кажется человѣческое величіе, и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я свободы — своего гроба! Что въ здѣшнемъ мірѣ, Сарра? Гоненія, бѣдствія! Гдѣ имѣюшъ свою цѣну блаженнѣйшія чувства Природы? гдѣ знаютъ, что значить жизнь? гдѣ обѣщія друга, въ которыхъ безпечно могъ бы ты успокоиться? гдѣ грудь любовницы? гдѣ сердце супруги, которое было бы открыто своему? —

Мѣсто истиннаго человѣческаго достоинства заслупило мнимое. Сіе мнимое достоинство суть деньги — деньги,

мертвой металлъ, но — къ несчастію человека — дѣйствующій сильнѣе, нежели рука Ангела смерти, носившаяся надъ спаномъ Сеннахерима.

Къ зловредному врагу человечества, къ частному интересу, присоединяется еще вреднѣйшій — гордость, и довершаетъ спроеніе ада для твореній, созданныхъ бытъ счастливыми. О смертные! когда вы опять найдете спезю къ своему счастью? До тѣхъ поръ вѣрно не найдете ее, пока ваше просвѣщеніе будетъ состоятъ въ гордости и гоненіяхъ. —

Слѣдуйте внушенію Природы! внимайте гласу ея! Все счастье состоить въ простотѣ; да и что можетъ сравниться съ красотою Природы, съ удовольствіемъ невинной простоты? Посмотрите на жаворон-

ка, какъ беззаботно поднимается онъ къ небу, какъ весело его пѣніе. Мы также наслаждались бы кропкою, щасливою жизнію, еспьли бы въ городахъ своихъ не имѣли гордецовъ и корысполубцевъ

Какъ завидна учаспъ швоя, мирный сельскій жителъ ! Въ опдаленіи опъ зараженныхъ городовъ шы наслаждаешься бальзамическимъ воздухомъ лѣсовъ ; не зная изобрѣшенныхъ нуждъ, съ веселіемъ сидишь у ключа и довольспвуешься чернымъ хлѣбомъ. Такъ, шамъ только, шамъ, въ нѣдрахъ Природы, можно найши блаженспво, блаженспво человѣческой жизни !

О Боги ! возьмишъ у меня половину лѣшъ, назначенныхъ Вами для моей жизни ; я съ радоспцію опдамъ ихъ — оп-

дамъ за нѣсколько дней истиннаго наслажденія человѣческимъ бытіемъ.

Щасливъ тотъ, кто знаетъ истинное удовольствіе жизни, кто ищетъ радости въ Природѣ и своемъ сердцѣ, которое даровано для наслажденій!

О сколь блаженны должны быть дни, когда подобныя намъ творенія подъ благотвореннымъ климатомъ рука въ руку бѣгаютъ по цвѣтущимъ нивамъ и, при концертѣ пѣвцовъ Природы, прижимая другъ друга къ сердцу, чувствуютъ небесную сладость любви! Здѣсь Природа наполнила чашу радости; здѣсь можно упиваться человѣческимъ щастіемъ, божественнымъ напиткомъ, котораго рѣдко и одна капля упадаетъ на засохшій языкъ въ городахъ.

Что такое человѣческая
участь съ сихъ вершепахъ?
Великолѣпіе, возвышающіяся до
небесъ зданія похищаютъ у
насъ лучъ благотворнаго солн-
ца, ядовитыя испаренія боль-
ныхъ заражаютъ воздухъ, а
нечистота землю, запускѣв-
шую подъ нашими ногами.

Посмотрите, какъ иска-
женъ помощецъ Природы! Сіи
коварные глаза, сіи мины при-
дворнаго, сія улыбка обмана,
сіе равнодушіе неправеднаго
Судіи, сіи кривлянья руками
и ногами, лицомъ и сердцемъ —
какая мысль! О! лиши меня
чувствъ, Всемогущее Божество,
при взглядѣ на развращенные
города, лиши меня памяти,
чтобы я не могъ когда нибудь
вспомнить, до чего человѣкъ
унизился! Я удалюсь на уеди-
ненный островъ, Сарра, я ищу
тебя. Что ты тамъ дѣлаешь?

Спокойно сидишь ты подъ высокою скалою. Посмотри вокругъ себя: шамъ шумишь источникъ для утоленія твоей жажды; по ту сторону скалы расшетъ шумовое дерево; ты можешь рвать съ него плоды, они твои, они будущъ укрѣпляютъ тебя. Проживи, Сарра! остатокъ дней твоихъ на семъ уединенномъ оспровѣ; не желай никогда возвратиться въ городъ, прошу тебя! ибо ты можешь быть спокойна, когда весь свѣтъ не будетъ знать, что ты существуешь. Какъ часто я желалъ, чпобы люди вовсе меня забыли! О чемъ жалѣть тебѣ, Сарра? Не о чемъ! Если ты богата, то спанушъ тебѣ завидовать; если ты бѣдна, то будешь несчастлива; если прекрасна, то женщины возненавидятъ, а му-

щины обольспяшъ тебя; еспъли
 нехороша, то будупъ надъ по-
 бою смѣяшся; еспъли глупа,
 то спанупъ презирашъ тебя;
 еспъли умна, то это еще ху-
 же — эшаго многіе не могушъ
 шерпѣшъ. Оспанься на семъ
 оспровѣ, прошу тебя, оспань-
 ся! — Какъ мнѣ кажется, что
 я говорилъ съ Саррою, такъ
 добрая сія дѣвушка говорила
 сама съ собою. Ничто ее не
 огорчало, кромѣ нещастія ея
 родителей. О мои любезные!
 воскликнула Сарра: еспъли бы
 могла я спасти васъ, то съ ох-
 пою переплыла бы неизмѣримое
 море, съ охопою перенесла бы
 для васъ голодъ и жажду, съ ох-
 пою умерла бы, еспъли бы толь-
 ко могла спасти васъ! Въ сію
 минушу изъ успремленныхъ на
 небо глазъ ея выкапилась слеза,
 прекрасная какъ капля упренней
 зари, дрожащая ма цвѣпочкѣ.

Вдругъ услышала она позади себя шумъ. Подумавъ, что это былъ какой нибудь дикой звѣрь, со страху бросилась она бѣжать; но что-то гналось за нею. Она закричала, упала въ обморокъ и dospалась въ руки одному морскому разбойнику, которой приспалъ къ сему берегу, чшобы запасшисъ свѣжею водою. Одинъ изъ его солдатъ увидѣлъ несчастную, погнался за нею, догналъ и принесть на корабль, какъ добычу.

Корсаръ разпустилъ парусы, и корабль быспро уже мчался по морю, когда прекрасная Сарра пришла опять въ чувства. Начальникъ разбойническаго судна стоялъ подлѣ своей плѣнницы и смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. Полныя ея щеки, на коихъ сладоспращіе не изкопало ни одной бра-

зды; веселое чело, на которомъ было начертано дружество, и нѣжныя уста ея, на коихъ царствовала улыбка невинности: внушали благоговѣніе и въ самага варвара, которой какъ бы предъ спящимъ божествомъ стоялъ предъ нею. Не бойся, милая! сказалъ онъ, когда она проснулась: не бойся ничего; хощя я и разбойникъ, но все еще такой человекъ, которой имѣетъ чувство состраданія, и которой не для того спасъ тебя, чтобы содѣлать еще несчастіе. Если бы я взялъ тебя въ плѣнъ, тогда бы воспользовался правами завоевателя; но какъ я тебя нашелъ, то ты не собственности моя, но залогъ Неба, которой долженъ я хранить. Такъ я думаю, говорилъ корсаръ, и по смуглымъ щекамъ

его капились слезы, которыя сожалѣніе изпоргло изъ глазъ его, успрямленныхъ на несчастную.

Сарра вспала, бросилась къ нему въ ноги, и обнимала его колѣна. „О великодушнѣйшій человекъ! чѣмъ могу я возблагодарить тебѣ? Я съ охотою у тебя останусь, соглашусь быть послѣднею изъ твоихъ невольницъ и буду служить тебѣ во всю мою жизнь — сколько я чувствую, чѣмъ одолжена тебѣ!“ — Потомъ рассказала ему Сарра свою несчастную исторію. Корсаръ топалъ ногами отъ ярости, услышавъ о Рапсовомъ поступкѣ. „Чудовище!“ вскричалъ онъ: „о! если бы Провидѣніе послало его въ мои руки, то я испыталъ бы надъ нимъ всѣ роды мученій, отдалъ бы все свое имѣніе, чтобы сдѣ-

лапѣ его опяшъ здоровымъ, и послѣ опяшъ мучишъ до самаго послѣдняго его издыханія. Извергъ Природы! море выкинешъ его шѣло, и ежели рыба пожрала его, то она изблюетъ его на берегъ; но и земля не приметъ его въ свои нѣдра; птицы воздушныя пожрутъ его трупъ, и умрутъ отъ ядовитыхъ кусковъ, поглощенныхъ ими! Если какое нибудь шѣло подвержено въ Природѣ совершенному испребленію, то это должно бытъ шѣло сего изверга.

„О гнусность! Если буря когда нибудь пригонитъ меня къ такому берегу, гдѣ живутъ подобныя чудовища, то пусть корабль мой взлещитъ на воздухъ и избавитъ меня отъ заразы, господствующей въ вашихъ странахъ! Ахъ! луч-

ше не родишься, нежели пося-
гнушь на такое злодѣйство!
Какой былъ онъ націи? какой
Религіи? вѣрилъ ли онъ въ Бо-
га? — Сарра! Сарра! еспьли
бы взоръ твой не былъ столь
крошкѣ, то я подумалъ бы,
что ты меня обманываешь.
Нѣсколько уже лѣтъ разъѣзжаю
я по морямъ, видалъ многихъ
дикихъ народовъ, однакожъ на-
ходилъ у всѣхъ чувства чело-
вѣчества и Природы. Скажи-
те, Европейцы! опъ чего вы
такъ себя унизили предъ че-
ловѣками? Вы имѣете такой
же образъ, какой и варвары;
но сердца ваши должны бытъ
ужасно черны — должны бытъ
дѣвольскія!“ —

Умѣръ свое негодованіе,
опвѣчала Сарра: можешь бытъ
онъ въ сердцѣ своемъ былъ не
столь несправедливъ. Я была

Ч а с т ь I.

И

Жидовка, а онъ Христіанинъ ;
 можешъ бышь сердце его
 оправдывало сей поступокъ.
 „Но адъ не можешъ оправ-
 дашь его!“ вскричалъ корсаръ :
 „мы всѣ люди, вошь языкъ При-
 роды — такой языкъ, копо-
 рой Божесиво вложило въ ду-
 шу каждого, и котораго гласъ
 такъ громокъ, что не лзя не
 слышать его всякому человѣку.
 Никакая Вѣра не одобряешъ ху-
 даго поступка. Богъ любитъ
 равно всѣхъ людей ; Онъ соз-
 далъ всѣхъ ихъ по Своему по-
 добію : и кто можешъ оскор-
 бишь сіе подобіе, не оскорбивъ
 самаго Божесива ?

„Я варваръ, но сердце мое
 не одобряешъ худыхъ поступ-
 ковъ. По обычаямъ и законамъ
 шой земли, въ которой я ро-
 дился, могу располагать плѣн-
 никами, какъ своею собствен-

носпію , могу торговати ими , продавати ихъ ; однако сіе право мое основывается на правѣ сильнаго. Плуповспвомъ и обманомъ я ничѣмъ не овладѣлъ во всю жизнь свою ; сила пропивъ силы гораздо благороднѣе, нежели упонченныя ваши хитроспи и припворспво , посредствомъ которыхъ дѣлаете вы людей несчастными.

„Когда захочу я на кого нибудь напасъ , то даю время приготопвишься къ оборонѣ ; но у васъ кто можетъ защищаться отъ вашего лицемѣрія , лукавспа и упонченной силы ? Кто можетъ у васъ быть безопасенъ , когда взоръ самаго дружеспва есть ложь , васъ умерщвляющая ?

„Европейцы ! не смѣйшесь надъ варварами ! Мы грубы и жестоки , вы учпивы , но не

менѣе жестоки; шупая наша спаль не столько умерщвляетъ людей, сколько ваша изощренная.

„Вы обвиняете корсара, что онъ торгуешь людьми — вы находите это гнуснымъ; но скажите, не такъ же ли и вы торгуете ими? Ваши спряпчіе, ваши Судьи, которые васъ грабятъ, опнимають у васъ имѣніе, дѣшей и самую жизнь — благороднѣе ли корсара? Мы невольниковъ своихъ выводимъ на базаръ для продажи, однакожъ одѣваемъ ихъ и кормимъ; но у васъ они ходятъ нагіе и часто умирають съ голоду. Невольника съ дарованіями у насъ опличають, лучше содержатъ и покупають дороже; но у васъ это рѣдко бываетъ: вы только смотрите на плашье, которое съ него снимаете, а рѣдко на достоинства человека.

„Передъ всеобщею нашею матерью, передъ Природою, явимся мы на судъ, и она рѣшитъ намъ, гдѣ болѣе варварства, — у насъ ли, или у васъ.

„Сюда, несчастная дѣвушка, сюда, къ моему сердцу! Ты у морскаго разбойника найдешь ту помощь, въ которой опказалъ тебѣ Христіанинъ.“

Корсаръ, взявъ ее съ собою, благополучно присталъ къ берегу.

Великодушный разбойникъ поступалъ съ Саррою, какъ съ своею дочерью; она увидѣла, что ея избавитель имѣлъ доброе сердце, и мало по малу давала ему замѣнить, сколь жестоки законы и постановленія его опечесива. Она представляла ему, что торгъ людьми оскорбляетъ Природу, и наконецъ до того достигла, что

сей морской разбойникъ рѣшил-
ся отказатьсья отъ своего ре-
месла.

„Теперь для тебя одной,
Сарра, буду я жить на свѣтѣ.
Я намѣренъ сдѣлать тебя и
другихъ щасливыми приобрѣ-
щеннымъ мною имѣніемъ, и
если понравишься тебѣ мои
старанія угождаю любезной
Саррѣ, если ты удостоишь
меня руки своей, то я былъ бы
совершенно щасливъ.“

Сарра любила великодуш-
наго своего избавителя за доб-
рое его сердце; она открылась
ему въ этомъ, и сдѣлалась его
супругою.

Свадьбу праздновали по
обычаямъ той земли. Корсаръ
выкупилъ сто Христіанскихъ
невольниковъ, и въ день брака,
изъ любви къ своей невѣстѣ,
возвратилъ имъ свободу. „Лю-

безная Сарра!“ сказалъ онъ: „мнѣ
кажется, я не могу сдѣлать
тебѣ лучшаго подарка, какъ
дать свободу симъ бѣднымъ,
несчастнымъ людямъ. Въ день
свадьбы нашей всѣми силами
постараюсь загладить свои не-
справедливости, которыми ос-
корбилъ я Природу, и вся на-
града моя должна состоятъ въ
томъ, что Сарра будетъ вѣч-
но моею.“

Ты великодушень, отвѣ-
чала Сарра, и Богъ наградишь
тебя за это! Если жена
твоя хотя нѣсколько можетъ
способствовать къ твоему сча-
стью, то въ этомъ положишь
на нее совершенно; ежели лю-
бовь можетъ дѣлать счастли-
выми, то Омаръ не будетъ ни-
когда несчастливъ; и пока Сар-
ра имѣетъ сердце, то сердце
сѣ принадлежитъ Омару. —

Кропко, подобно сладкому сну перваго челоуѣка, прошекали дни Омаровы въ объятіяхъ нѣжной его супруги. Сарра также была щасплива, однакожь часто предавалась она печали о неизвѣстной участи ея родителей.

Въ одинъ прекрасной вечеръ Омаръ и Сарра, сидя на берегу моря, смотрѣли на заходящее солнце. Сарра погрузилась въ тихое уныніе; она упала на грудь Омара, и слезы благодарныхъ чувствъ полились изъ глазъ ея. „Что это значишь, Сарра?“ сказалъ Омаръ, „что съ тобою сдѣлалось? Излей свою горестъ въ мое сердце! я съ тобою радовался, я буду съ тобою и плакать.“

Сарра успремила голубые глаза свои къ нему. О! какъ была бы я щасплива, любезный

Омаръ , отвѣчала она со вздохомъ , еспѣли бы знала , что дѣлается съ моими родителями; можетъ быть они все еще помятся въ темницѣ; можетъ быть они умерщвлены уже. Ахъ, Омаръ! какъ мучишь меня эта мысль !

„Она не долго будетъ мучишь тебя,“ сказалъ Омаръ: „мы сядемъ на корабль со всѣмъ нашимъ имѣніемъ и отправимся въ Лиссабонъ ; я наполню цѣлой ящикъ деньгами, и отдамъ его за выкупъ своего отца; онъ и мой отецъ: онъ долженъ съ нами раздѣлять все счастье.“ — Сарра не могла отвѣчать; ибо слезы, капившіяся по ея прекрасной груди, не давали ей произнести ни одного слова; однѣ только объятія выражали то , что чувствовало ея сердце.

Гаррушъ въ то время, когда Рапсъ бѣжалъ съ Саррою, посаженъ былъ въ темницу. Дѣло шянулось весьма долго, пока открылась наконецъ невинность Гаррушева. Не лѣзя описать, какія жестокости и мученія перенесли Гаррушъ и его семейство! Тюремщикъ былъ человекъ весьма суевѣрной, которой считалъ за должность усугублять несчастіе сихъ людей. Они Жиды, говорилъ онъ, и я дамъ имъ почувствовать, кто они! Лишь только взяли ихъ подъ спражу, то онъ бросилъ ихъ въ самую ужасную тюрьму; ни одинъ лучъ солнца не проникалъ ея мрака; холодъ и сырость вѣчно тамъ царствовали, и дѣлали мѣсто сіе подобнымъ какой нибудь норѣ, опредѣленной не для людей, но для ядовитыхъ гадовъ.

Гаррушъ терпѣливо сносилъ свое бѣдспвіе; невинное сердце его уповало на Бога, а добродѣшель служила ему подкрѣпленіемъ. Однакожъ онъ не пережилъ бы своихъ мученій, увеличиваемыхъ еще болѣе жестокостію пюремщика, естли бы маленькая дочь сего безчувственнаго не облегчала его судьбы. Она всякой день сберегала нѣсколько опъ своей пищи, всякой день собирала сколько нибудь у поспороннихъ и приносила доброму Гаррушу. Часто по цѣлому часу просиживала она у пюръми его, и своими разговорами чрезъ желѣзную рѣшетку сокращала безконечные часы его неволи. Гаррушъ часто воспоминалъ о Саррѣ, рассказывалъ о ней своей утѣшительницѣ, и сія добрая, чувствительная дѣвушка плакала

съ нимъ вмѣстѣ. — Горячее усердіе, съ какимъ маленькая Клара принимала участіе въ судьбѣ Гаррушевой, вскорѣ причинило ей болѣзнь. Кто былъ несчастнѣе бѣдныхъ Жидовъ, лишившихся единственнаго утѣшенія? Клара занемогла, и припомъ очень опасно; чувствительное ея сердце было слишкомъ разстроено несчастіемъ Гарруша, и Лѣкаръ сомнѣвался въ ея выздоровленіи. Тюремщикъ, копорой былъ хопяспрогъ и суевѣренъ, но не слишкомъ золъ сердцемъ, крайне огорчился болѣзнію своей дочери, ибо онъ любилъ ее. Онъ подошелъ къ ея постели. Для чего ты хочешь умереть, милая дочь моя? сказалъ онъ: что сдѣлалъ тебѣ отецъ, что ты хочешь его покинуть? Ахъ, Клара! я люблю тебя, я съ

радостію опдамъ все, чію ни имѣю, лишь бы ты у меня оспалась! Клара обратила глаза къ своему опцу. Проспише меня, бапюшка! ежели я оскорбила васъ. Я не могу болѣе жить. Бѣдной Гаррушъ, бѣдные друзья его! не уже ли они умрутъ въ пюрѣмѣ? Бапюшка! ежели вы любите еще свою Клару, то облегчите ихъ участь, вопъ все, о чемъ я васъ прошу; тогда спокойно умру я! Доброй Священникъ, сидѣвшій у Клариной постели, опозвалъ пюрѣмщика въ другую комнапу. „Другъ мой!“ сказалъ онъ ему: „ты поступилъ несправедливо. Арестанты, ввѣренныя тебѣ опъ Короля, все еще люди и свои ближніе; весьма непростительно обременяшь ихъ участь и дѣлаешь несчастнаго еще несчастнѣе.

Часть I. I

Когда челоѡѡка судятъ, то не лѡзя еще знать, виновенъ ли онъ, или невиненъ, и потому никто не имѡетъ права поступать съ нимъ худо. Повѡрь, любезный другъ! ты очень погрѡшилъ противъ Бога, и ежели Онъ попустилъ занемочь твоей дочери, то Онъ хотѡлъ дать тебѡ почувствовать твою несправедливость. “ — Тюремщикъ, лишь только его выслушалъ, то самъ побѡжалъ въ темницу, перевелъ заключенныхъ Жидовъ въ спокойную комнату, переодѡнулъ ихъ плаще и поступалъ съ ними по челоѡчески. Какъ скоро Клара узнала объ этомъ отъ своего отца, то какъ будто цѡлебной бальзамъ пролился на ея разтерзанное сердце: она спала спокойно, и здоровье ея съ каждымъ днемъ становилось

лучше. Въ это самое время Гаррушъ и все его семейство признаны невинными. Но они были бѣдны, ибо Рапсъ увезъ все ихъ имѣніе. Такія обстоятельства и ходатайство Клары, которая сама упала Королю въ ноги, доставили небольшую пенсію сему несчастному семейству Іудеевъ. Клара всякой день посѣщала своего Гарруша, и естѣли могла что нибудь достать для него, то приносила ему оное съ радостію. Когда опецъ ея хопѣлъ чѣмъ нибудь ее порадовать, то приглашалъ сихъ Евреевъ къ обѣду, которые безъ всякаго предразсудка ѣли съ нимъ за однимъ столомъ и вмѣстѣ молились Богу, единственному Опцу всѣхъ чловѣковъ. Однажды Гаррушъ и Клара, сидя у гавани, смотрѣли на приспавшіе

корабли; тогда Сарра и корсаръ вышли на берегъ. Сарра узнала своего отца и, бросясь къ нему въ объятія, вкусила небесную радость; она все ему рассказала. Великодушный корсаръ несмѣннымъ своимъ богатствомъ сдѣлалъ опять щастливымъ все семейство. Омаръ выдалъ Клару за-мужъ и далъ ей значное приданое. Въ небольшой купленной ими деревнѣ жили всѣ сіи семейства: корсаръ, Жидъ и Христіанинъ. Они всѣ чтили Бога и дѣлали добро. Клара, которая очень выгодно вышла замужъ, взяла къ себѣ своего отца, и благословеніе Небесъ изливалось, подобно росѣ благошворной, на сихъ добродѣтельныхъ людей. Они жили долго, жили щастливо, служили благороднѣйшимъ образцемъ терпимости, и до-

казывали своимъ примѣромъ,
что первый законъ Божій есть
любовь, чтобъ мы любили другъ
друга, какъ братья, ибо всѣ
мы дѣти Отца единого, при-
зирающаго на насъ свыше.

II.

КАЛЛОСЪ,

примѣръ, взятый изъ времени гоненія на Религію.

Съ ужасомъ воспоминаетъ чувствительный другъ чело-вѣчества о временахъ прошедшихъ; съ боязнію онъ проспиралъ свой шудъ, гдѣ представляется ему разумъ, опягченный оковами, и чело-вѣчество, подъ бременемъ предразсудка преклоняющееся предъ фанатизмомъ, гдѣ онъ, устрашенный непрерывнымъ зрѣлищемъ ужасныхъ варваровъ и гнусныхъ преступленій, трепещетъ и съ ужасомъ восклицаетъ: Боже! не ужь ли это чело-вѣки, Тобою созданные?

Воспоминаніе сіе горестно, но и необходимо: мы непременно должны разсмапривать времена прошедшія, чптобы яснѣе видѣть настоящее и правильнѣе судить о немъ. Еще вѣкъ нашъ не сполько просвѣщенъ, чптобы исчезъ весь шуманъ невѣжества и предразсудка, и чптобы духъ человѣческій, оставивъ низкія, безумныя заблужденія, вознесся къ понятіямъ высочайшимъ; еще просвѣщеніе и чистѣйшая Религія Богочеловѣка не исправили сердець такъ совершенно, чптобы ненависнь и духъ преслѣдованія не подавляли благороднѣйшихъ чувствованій, чптобы въ груди фанатизма не пылало мщеніе и свирѣпость, и чптобы теперъ могли мы не спрашиваться подобныхъ пѣмъ ужаснымъ сценамъ, когда, къ стыду разума и человѣчества,

кровь лилась рѣками. Дѣйствительно есть многіе, которые слѣдуютъ постыдному предразсудку ненавидѣть и преслѣдовать пѣхъ, которые не одной съ ними вѣры; они, забывъ ученіе Спасителя, стараются съ безчеловѣчіемъ нападать на подобныхъ себѣ, и во имя Божества похищаютъ и умерщвляютъ, подобно свирѣпому шигру, мирныхъ животныхъ.

Я жалѣю о несчастныхъ, которыхъ душа такъ помрачена, и которые думаютъ такъ прошивно челоуѣколюбію. О! какъ желалъ бы я показать имъ свѣтъ истины, чтобы они обратились къ разуму и примирились бы съ челоуѣчествомъ!

Съ симъ - то намѣреніемъ описываю я сіе происшествіе, которое наполняетъ сердце ужасомъ и при каждомъ воспо-

минаніи объ немъ говоришъ :
 „Человѣкъ! люби ближняго шво-
 „его ; не пидай къ нему нена-
 „виспи за то, что его научи-
 „ли мыслишь иначе, нежели
 „тебя!“

Сіе произшествіе случилось
 въ то ужасное для Германіи
 время, когда извѣстная прид-
 цапилѣпная Шведская война,
 начавшая заблуждающеюся рев-
 ностію къ вѣрѣ, все опусто-
 шала.

Непонятно кажется, опъ
 чего человекъ, шоль долго поль-
 зуясь ученіемъ Евангелія для
 образованія и исправленія сво-
 его, не можетъ до сихъ поръ
 доспигнуть сея цѣли. — Еще
 и сначала — когда повсюду
 оказывали безчисленные неспра-
 ведливости, когда миліоны лю-
 дей умерщвляемы были самымъ
 безчеловѣчнымъ образомъ — еще

и тогда видѣли, что Богъ заповѣдалъ всеобщую любовь, и законъ сей начерталъ въ сердцѣ каждаго человека, при всемъ томъ едва находили нѣсколько минушъ для сихъ размышлений, и то уже тогда, когда упомянуты были сраженіемъ и омочены кровію.

Еще возвышается въ О.... старая крѣпость, которая нѣкогда долго пропивилась оружію Гуспава, пока наконецъ спрашною силою принуждена была здаться. Она, подобно коронѣ, вѣнчаетъ вершину высокой горы, устрашающей взоръ странника. Восточная сторона ея нѣсколько уже разрушилась и представляетъ удивленному взору одни только оспапки прежняго ея величія; въ ней гнѣздятся хищные враны и пресмыкаются ядоносныя

змѣи. Пронзительное ихъ шипѣніе разносится изъ пустошы могилъ; сова завываетъ пѣснь свою и — боязливой спранникъ шрепеща, спѣшишь оставишь сіе ужасное мѣсто.

Храбрые воины, которые безбоязненно стояли проливъ окровавленныхъ сабель и не шрепещали предъ громами пушекъ, не осмѣливались бытъ здѣсь на спражѣ; ибо мнѣніе о привидѣніяхъ устрашало самыя неробкія сердца.

Огромныя зданія не бывають никогда въ доброй славѣ у простаго народа, и одно преданіе сдѣлало для всѣхъ спрашнымъ валъ, окружающій крѣпость. Многіе думали, что тамъ слышится слабый голосъ умирающаго; воображеніе сдѣлало самаго духа, отъ котораго происходилъ сей голосъ.

Однажды должно было сползть шумъ на спражѣ одному шарому воину, копорой былъ смѣлъ и швердъ, какъ булашъ меча его; никакая опасносшь не могла его усшрашить. Наступилъ часъ полуночи; чернй мракъ покрывалъ землю ужасомъ; повсюду была мершвая шишина: въ сіе - то время вдругъ воинъ услышалъ голосъ, но не могъ понять его. Онъ посмошрѣлъ вокругъ себя, но ничего не было видно; потомъ закричалъ, и высшрѣлилъ въ землю. Звукъ удара повшорился въ громкомъ ошголоскѣ, но голосъ все еще былъ слышанъ. — Часъ его прошелъ, и онъ объявилъ обо всемъ Офицеру. Удивленіе и спрахъ овладѣли всѣми, и никто не хощѣлъ оспашься шумъ на спражѣ.

На другой день поставленъ былъ шуда молодой человекъ, отважной, но безразсудной, копорой обѣщался съ твердоспѣю принять не только одного, но даже всѣхъ адскихъ духовъ. Съ бодрымъ и веселымъ духомъ пѣлъ онъ громкую пѣсню во славу вина и любви; но вдругъ услышалъ жалобной голосъ, нѣсколько разъ повторяемой, а послѣ довольно сильной спукъ подъ своими ногами. Храброспѣ вдругъ оставила безразсуднаго юношу; онъ запрепешалъ, и холодной попъ покрылъ лице его. Спукъ часъ опъ часу спановился громче, а голосъ яснѣе. Съ ужасомъ ожидалъ онъ окончанія часа, и съ блѣднымъ лицемъ, препеша, возвратился къ своимъ товарищамъ. Онъ донесъ обо всемъ случившемся съ нимъ Порупчи-

Часть I.

К

ку, а сей Генераль - Маіору В... Все пришло въ движеніе; каждой говорилъ о духѣ, каждой представлялъ его другому въ тысячѣ различныхъ видовъ. Сей случай показался Генералу страннѣйшимъ, и онъ думалъ, не знаютъ ли чего нибудь объ этомъ таинствѣ спарики; велѣлъ спросить во всемъ городѣ и крѣпости, но не получилъ никакого удовлетворительнаго отвѣта. „Это ужъ не новое“ говорили ему всѣ: „это духъ здѣшняго замка; мы слышимъ его нѣсколько уже лѣтъ!“ — Каждой рассказывалъ при этомъ какую нибудь басенку; но В... не былъ симъ доволенъ, и положилъ за непремѣнное открыть истинную причину.

Между тѣмъ пришелъ еще новой полкъ для подкрѣпленія

Шведской арміи, и Генераль В. . . . пригласилъ въ эшопъ день всѣхъ Офицеровъ къ обѣду. За споломъ онъ разсказалъ имъ ночное происшествіе. Иные удивлялись ему, иные смѣялись, другіе были успрашены, весьма немногіе догадывались, чему бытъ пущъ должно. Естѣли и нынѣ эшопъ голосъ будепъ слышанъ, сказалъ В. . . ., по я велю на эшомъ мѣспѣ ко-пашъ землю; мнѣ хочепся знапъ, нѣпъ ли тамъ чего нибудь. Прекрасно! вскричали въ одинъ голосъ всѣ Офицеры, побуждаемые любопытствомъ: сдѣлайте эшо; намъ самимъ хочепся бытъ пущъ и видѣпъ привидѣніе.

Вспавъ изъ за спола, собесѣдники долго ходили и разговаривали; нечаянно одному молодому Порупчику попался

на глаза портретъ стараго, почтеннаго чловѣка. Взоры его сдѣлались неподвижны; онъ не могъ отврапитъ ихъ, не могъ довольно насмотрѣться. „Что вы находите въ этой картинѣ особеннаго?“ сказалъ ему В. . . : „кажется, что она вамъ чрезвычайно нравится.“ — Я совсѣмъ не знаю этого чловѣка—оповѣчалъ молодой Офицеръ: но въ лицѣ его есть что-то благородное и доброе, что меня привлекаетъ къ нему. Одежда его показываетъ, что онъ нѣкогда былъ здѣшнимъ Паспоромъ. Я сердечно люблю его и желалъ бы узнать его короче; онъ долженъ быть самой благородной чловѣкъ. — „Это правда“ сказалъ В. . . : „если только не идеаль живописца. Но мы это узнаемъ. Я спою здѣсь съ полкомъ моимъ поль-

ко двѣ недѣли, и не знаю ни о чемъ; но нынѣ хочу обо многомъ освѣдомиться у жителей.“

Призванъ былъ одинъ пожилой человекъ, которой шупъ родился, выросъ и состарѣлся; показали ему картину, и едва онъ увидѣлъ ее, то сказалъ: „Ахъ! это добродѣтельной Пасторъ Каллосъ!“ — и слезы заблิสпали въ угасшихъ почти глазахъ его.

Онъ долженъ быть тебѣ очень извѣстенъ, сказалъ В....; что съ нимъ случилось?

„Ахъ! онъ умеръ, или лучше сказать, пропалъ; онъ скрылся отсюда, и Богъ знаетъ, гдѣ теперь. Это былъ справедливой и честной человекъ, которой всѣмъ, кому только могъ, дѣлалъ добро; — но сильные пришѣснили его.“

Какимъ же образомъ ?

„Спаршему сыну его не было еще пѣши лѣтъ, когда Каллось пріѣхалъ отъ своего отца, о которомъ никто ничего не зналъ; у него были еще три дочери и одинъ маленькой сынъ; съ ними раздѣлялъ онъ горестное свое соспаяніе, былъ бѣденъ, презираемъ — и щасливъ въ себѣ самомъ. Но Бургомиспръ, смертельный врагъ всѣхъ шѣхъ, которые не Каполики, ненавидѣлъ его, и лишилъ мѣста. Можетъ быть онъ умеръ съ голоду и печали; — его нѣтъ ужъ болѣе.“

Боже мой! вскричалъ В.... какъ жестокосерды люди! — и глаза благороднаго воина омочились слезами. Всѣ были пронуты, а молодой Офицеръ чувствовалъ покую горестъ, которая была гораздо болѣе обык-

новеннаго соучастія въ бѣдствіяхъ человека.

Все общество благодарило старика за оказанную имъ услугу ; — между тѣмъ вошелъ въ комнату посланной опъ Офицера, стоявшаго на караулѣ, и увѣдомилъ Генерала, что голосъ опять слышенъ. Любопытство пробудило всѣхъ опъ тихой, печальной задумчивости, въ которую повергло ихъ сожалѣніе объ участи Каллоса. Генераль В. . . . пошелъ съ ними въ назначенное мѣсто, и всѣ слышали сей голосъ ; чѣмъ громче разговаривали они между собою, тѣмъ громче онъ становился.

Клянусь Богомъ! вскричалъ В. . . . это не духъ ; здѣсь, подъ сими камнями, обросшими мохомъ, погребено тайнство, объ открытіи котораго я пре-

пещу. Государи мои! мы пош-
часъ увидимъ, что шущъ ша-
кое. —

Исполненные ожиданія и
спраха, всѣ молчали. Топчасъ
призвано нѣсколько работни-
ковъ и, на томъ мѣстѣ, гдѣ
слышанъ былъ голосъ, начали
копать. Какъ скоро сняли верх-
ній слой земли, то откры-
лась спѣна, и лишь только
вынули нѣсколько кирпичей,
то вышелъ изъ середины смрадъ,
которой принудилъ всѣхъ уда-
лишься отъ отвѣрстія. Гене-
раль В. . . . и молодой Офицеръ
бросились туда первые, и уви-
дѣли — — сѣдаго старца ле-
жащаго на полу; онъ былъ еще
живъ, ибо примѣтно было въ
немъ дыханіе. Скорая перемѣ-
на воздуха привела его въ без-
силіе; его вынесли на чистой
воздухъ, и старались возвра-

пишь ему чувство. Ахъ! это Каллось! вскричалъ молодой Офицеръ. Это Каллось! повторилъ В. . . . Это Каллось! закричали всѣ съ удивленіемъ. Генералъ велѣлъ опнести его въ свою комнату и оказывать ему возможную помощь и спасеніе. Молодой человекъ, которой такъ много къ нему чувствовалъ, смотря на бездушное изображеніе его, не оставлялъ его теперь ни на минуту, и съ нѣжнѣйшимъ попеченіемъ, какъ нѣжной сынъ при смертной постели отца своего, замѣчалъ каждое дыханіе и малѣйшее движеніе старца.

По прошествіи нѣсколькихъ часовъ Каллось пришелъ въ себя, началъ чувствовать, и получилъ столько силъ, что могъ, хотя слабымъ голосомъ, говорить. Онъ не могъ еще

переносить дневнаго свѣта; нѣсколько сильной звукъ голоса казался для него громомъ; всѣ чувства его были утончены до такой степени, что всякое сильнѣйшее впечатлѣніе дѣлало ему боль. Спусти нѣсколько времени Каллось началъ рассказывать свою исторію Генералу В. . . . и молодому Офицеру, которые одни съ нимъ остались, и открылъ имъ ужасное таинство подземнаго своего заключенія — таинство, которое должно было умереть вмѣстѣ съ нимъ, и которое Провидѣніе съ нимъ же сохранило.

Тринадцать лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, сказалъ Каллось, какъ я заключенъ въ эту ужасную пещеру; я былъ тамъ оставленъ не на жизнь, а на страшную смерть; но

Богъ уничижилъ намѣреніе враговъ моихъ, и я, съ Его святою помощію, нашель тамъ коренья и правы, которыми до самаго эшаго часа питался.

„Но какимъ образомъ и опъ кого былъ ты заключенъ шуда?“ спросилъ его В. . . .

Я вамъ попчасъ скажу объ этомъ, продолжалъ Каллосъ. Я былъ здѣсь пасшыремъ небольшого спада; мирно жили дѣти мои въ Вѣрѣ опцовъ своихъ и всегда были послушны власпямъ. Первѣйшимъ попеченіемъ моимъ было то, чптобы вселишь миръ въ сердца и склонить ихъ къ доброму согласію съ Каполиками. Бургомиспръ — думаю, что онъ уже умеръ — былъ прошивъ меня озлобленъ и преслѣдовалъ каждой шагъ мой. Не смотря на все спараніе и осторожность, я не могъ

Однако же защищипься опъ не-
го: кшо въ соспояніи избѣ-
жашъ насилія? — Онъ поно-
силъ и ненавидѣлъ Люшеранъ,
какъ смертельныхъ враговъ
своихъ.

Богъ да простишь ему
это! Онъ часто оскорблялъ
меня, но я никогда не мстилъ
ему за это враждою; ибо не
его вина была, что онъ такъ
мыслилъ. Наконецъ ненависть
его дошла до того, что онъ
лишилъ меня небольшого моего
приходу и, оставивъ въ бѣд-
ности и безъ куска хлѣба съ
четырьмя моими дѣтьми, подъ
смершнымъ наказаніемъ запре-
тилъ мнѣ отправлять духов-
ныя дѣла. Я предался судьбѣ
моей, и думалъ, что Богъ или
просвѣщипъ сердце заблудша-
гося, или скоро возметъ меня
къ Себѣ; я старался удержаши

многихъ вспылчивыхъ единоземцовъ моихъ, копорымъ сей поступокъ его былъ очень неприятенъ; ибо всѣ они любили меня и не допустили терпѣть нужду, каждой помогаль по силамъ своимъ. Какъ они думали, что имъ не лзя обойшисъ безъ моихъ наспавленій и помощи, то и просили неопступно, чшобы я тайно посѣщаль ихъ и исполняль должности сана моего. Я предвидѣль опасность и смерть, мнѣ угрожающую; но любовь къ нимъ превозмогла страхъ, сдѣлала меня смѣлымъ и постояннымъ, и я рѣшился. — Вскорѣ послѣ сего меня открыли; дѣла находились въ рукахъ Бургомира, и я былъ заключенъ въ темницу.

Увидѣвъ меня, онъ пришелъ въ бѣшенство, подобно

Часть I.

Л

пойманному льву, и разорвалъ бы меня на части, естълибъ злоба его не выдумала смерти еще жесточайшей. А, злодѣй! вскричалъ онъ: я поклялся мстити тебѣ смертью, и ты не избѣгнешь ее; — но эта смерть гораздо мучительнѣе и ужаснѣе, нежели самое колесо и костры: вопъ твой участь! Ты и Вѣра твоя, пагубныя дѣла мрака, должны обратнo низойти въ адъ. Живой будешь ты заключенъ въ пещеру, и тамъ червямъ и жабамъ можешь проповѣдывать адское ученіе твое; — ядоносныя змѣи да содѣлаются твоими поварищами, жалобы и проклятія да будутъ твоею молитвою, а опечаленіе служеніемъ на олтарь твоемъ! Укрои жажду собственною кровію, а голодъ шѣломъ тво-

имъ — и наконецъ сойди въ адъ !

„Ужасно !“ вскричалъ В... :
 „каждое слово твое заставля-
 ешь меня препешать. Но ска-
 жи мнѣ, несчастный спарецъ,
 какъ назывался этошь извергъ?“

Я вамъ сказалъ уже, я ду-
 маю, что онъ умеръ. Онъ на-
 зывался Гарпенштейнъ.

„Какъ, Гарпенштейнъ!“ ска-
 залъ В... : „онъ еще живъ ! О-
 еспьли это тошь самой ; по-
 чно онъ ; — сіюжъ минушу я
 пошлю за нимъ.“

Оспавьте его, говорилъ
 Каллось : я уже давно проспилъ
 ему ; да проспишь также и
 Богъ его жестокость ! Предо-
 спавьте его наказанію сердца
 и справедливости Небесъ : я
 прошу васъ, не думайте объ
 опмщеніи.

„Не мищеніе“ отвѣчалъ В...:
 „а удовлетвореніе за оскорблен-
 ное человѣчество; законы его
 осуждаютъ.“

Такъ, сказалъ молодой
 Офицеръ: онъ непременно дол-
 женъ быть наказанъ за такое
 звѣрство. Заслуживаетъ ли лю-
 бовь и пощаду злодѣй, копо-
 рой безчестилъ человѣчество и
 попираетъ его ногами? Нѣтъ!
 это было бы ободреніемъ пре-
 ступленія и поржествомъ зло-
 бы; онъ не избѣгнетъ справед-
 ливаго наказанія.

Генералъ велѣлъ послать
 себѣ Бургомистра Гаршенштей-
 на, и когда онъ пришелъ, по-
 ставилъ его предъ портре-
 томъ Каллоса. „Господинъ Бур-
 томистръ!“ сказалъ В...: „это
 портретъ мнѣ такъ нравился,
 что я желалъ бы знать и са-
 мой оригиналъ; не можете ли

вы сказать мнѣ, кого онъ изображаетъ? — Гарпенштейнъ смотрѣлъ, но боязливый взоръ его отворачивался; смущеніе и страхъ овладѣли имъ. Съ примѣшнымъ безпокойствомъ отвѣчалъ онъ: Такъ — мнѣ помнится — если я не ошибаюсь — это былъ — Лютеранской Пасторъ — Каллосъ.

„И такъ онъ ужь давно умеръ? — Я желалъ бы видѣть его могилу; я чрезвычайно полюбилъ его: скажите мнѣ, гдѣ схороненъ онъ?“

Я не могу вамъ этимъ служить, Г. Генералъ!

„Надобно объ немъ освѣдомишься.“

Я очень сомнѣваюсь, и мнѣ помнится, что онъ не былъ погребенъ здѣсь.

„Хорошо! пусть покоится онъ съномъ мирнымъ! Но еще“

одно: За нѣсколько предъ симъ часовъ сдѣлалъ я странное открытіе, и думаю, что вы можете мнѣ помочь узнать истину. Ужъ нѣсколько дней носился слухъ между солдатами, что въ крѣпости живетъ духъ, иногда даже слышали голосъ. Мнѣ было донесено объ этомъ, и я по своему правилу, что не должно оставлять ничего безъ розысканія, самъ вздумалъ изслѣдовать это дѣло. Велѣвъ привести себя шуда, я дѣйствительно услышалъ голосъ; на томъ мѣстѣ, откуда выходилъ звукъ, тотчасъ приказалъ я копать землю, и — представьте себѣ, Бургомистръ! — мы нашли тамъ спарика, совершенно сдѣлавшагося дикимъ. Я взялъ его къ себѣ, и когда пристально его разсмотрѣлъ, то въ чашахъ

лица его нашель нѣкоторое сходство съ этимъ портретомъ. Вы сами это увидите.“

По данному закону вышелъ изъ ближней комнаты Каллосъ вмѣстѣ съ молодымъ Офицеромъ. Смертная блѣдность покрыла лице преступника; увидѣвъ Каллоса и услышавъ его голосъ, безъ чувствъ упалъ онъ на полъ. — — Помогите, помогите, помогите! вскричалъ Каллосъ: онъ умираетъ. — Помогите! вскричалъ В. . . . и Поручикъ: онъ не достоинъ умереть такою крошкою смертію.

Чрезъ нѣсколько времени привели его въ чувство и оставили на нѣсколько минутъ для подкрѣпленія.

„Чудовище!“ сказалъ ему В. . . .: „какъ холодно и жестоко было сердце твое, когда ты

могъ такъ злодѣйски поступишь съ симъ добрымъ, невиннымъ спарцемъ! — Ты не чувствуешь ни малѣйшей любви къ человѣчеству: ни прозбы, ни слезы его не могли пронуть тебя. — Какой Судья земной можешь судить твое преступленіе? — Гдѣ законъ, опредѣляющій достойное наказаніе за твое злодѣяніе?“ — —

Пощадите его, сказалъ Калось: Богъ судія его; мученія совѣсти его ужаснѣе всѣхъ человѣческихъ наказаній. Я охотно прощаю тебя, Гарпенштейнъ; да простишь тебя также Богъ! Онъ знаетъ, что никогда сердце мое не молило Его объ отмщеніи; никогда уста мои не проклинали тебя. Я просилъ всегда, чтобъ Онъ низпослалъ мнѣ подкрѣпленіе и утѣшеніе, а тебѣ помилованіе.

Но скажи мнѣ , гдѣ дѣши мои ?
Они сославляюшъ для меня
все ; позволь мнѣ опяшъ уви-
дѣшъ ихъ .

Гарпенштейнъ молчалъ ;
ибо сей вопросъ пребовалъ при-
знанія еще въ одномъ ужасномъ
злодѣянїи .

„Говори , злодѣй ! “ вскри-
чалъ В : „говори , гдѣ они ?
Ты удушилъ ихъ ? — или оп-
далъ на сожраніе псамъ тво-
имъ ? или разорвалъ ихъ на ча-
сти для пищи вранамъ ? Я не
могу вздумать никакой жесто-
кости , къ которой бы ты не
былъ спосебенъ . — Говори ! “ —

Опчаянный Гарпенштейнъ
собралъ всѣ свои силы , и съ
ужаснымъ тѣлодвиженіемъ
вскричалъ : Теперь дѣлайте со
мною , что хотите ; я въ ру-
кахъ враговъ моихъ ! Разтопчи-
те меня вашими ногами , про-

кляните меня и изорвите по частямъ шѣло мое; я въ вашей власти!

Нешастный! вскричалъ ему молодой Офицеръ: не думай, чшобы былъ еще человѣкъ сполько же, какъ и ты, жестокой; ты превосходишь въ этомъ самого дикаго Карайба. Но говори! — —

Теперь слушайте, началъ онъ: препещите при каждомъ словѣ моемъ и призывайте на главу мою громы небесные.

Исполненные страха, ожидали они, чшобы онъ началъ, и опъ ужасу упали на землю, когда онъ кончилъ.

Двухъ маленькихъ дѣтей швоихъ, сказалъ Гаршеншенинъ, взялъ къ себѣ одинъ бѣдной мѣщанинъ; но какъ онъ умеръ, то и не знаю, куда дѣвались они.

Опець челоѡковъ! прервалъ его Каллось: о! еспълибъ они были съ Тобою! здѣсь ожидали ихъ однѣ только бѣдствія. — Но дочь моя. . . .

Ты хочешь пребоуать ее отъ меня? продолжалъ Гаршенштейнъ: — слушай! Когда ты уже былъ сокрытъ отъ взоровъ челоѡческихъ, я велѣлъ ее кликнуть къ себѣ, желая сопавить ея щастіе; но сердце ея было ожесточено, а душа непреклонна. Я говорилъ ей, что она должна отречься отъ заблужденій своихъ и принять священную Каполицкую религію, чтобы я съ чистую совѣстію могъ имѣть ее своею любовницею, и тогда была бы она совершенно щаслива; — но горделивая дѣвушка отвергла и любовь мою и Вѣру, и я...

И ты умертвилъ ее, безчеловѣчный! вскричалъ В. . . .

Нѣтъ, я заперъ ее въ городскую башню.

И она живешъ еще тамъ? прервалъ его Каллосъ.

Да! ешъли голодъ и жажда не умертвили ее. Подише шуда и поищише ее.

Взошли въ темницу и нашли тамъ нѣсколько костей; одежда, копорую нѣсколько можно еще было различить, превратилась въ пыль, какъ скоро до нея допронулись.

Я не смѣю описывать опеческую горешъ престарѣлаго Каллоса, и ужасъ и пламенный гнѣвъ Генерала; никакое перо не въ состояніи изобразить спраспей и чувствованій сердечныхъ сего рода; даже самая сила воображенія не можешъ предсавить ихъ. Печаль и

гнѣвъ занимали душу молодого
Офицера, и онъ шупъ же раз-
рубилъ бы на часпи злодѣя,
еспѣлибъ между ними не было
Каллоса и В... , копорые укро-
щали его. Мы не замараемъ
рукъ своихъ въ крови недо-
спойнаго; въ его жилахъ пе-
чешъ ядъ жабы, а опъ его серд-
ца опврапился бы самой кор-
шунъ Иксіоновъ: такъ сказалъ
В... и велѣлъ со спражею оп-
вести его въ шемницу.

Живописецъ! еспѣли ты
довелъ искусство свое до высо-
чайшей спепени; еспѣли див-
ная Природа живо изображаетъ-
ся въ черпахъ швоихъ, приво-
дящихъ въ заблужденіе наблю-
дашельный взоръ самаго знапо-
ка; еспѣли ты на мершвомъ
полошнѣ можешъ явишь сви-
рѣпспвующую бурю, какъ бы-
спрый вѣпръ несешъ въ про-

Ч а с т ь I.

М

спранспвахъ воздуха пучи гро-
мовыя, разрываетъ зеркальную
поверхность моря, и кипящія
волны воздымающся одна надъ
другою; еспьли ты можешь
выразить ужасы мрака и спрахъ
душевный при грозныхъ уда-
рахъ грома; еспьли боязнь и
смущеніе, бѣшенство и нѣмая
горестъ подвластны силѣ твоей
руки; еспьли каждая фибра
человѣческаго тѣла можетъ
быть игрою кисти твоей: —
тогда, живописецъ! тогда изо-
брази мнѣ душу опчаяннаго!
Воспали силу воображенія тво-
его и представь мнѣ мятежъ
ада, какъ духи тьмы свирѣп-
ствуютъ одинъ прошивъ дру-
гаго въ поляхъ пламенныхъ, и
это пусть послужитъ основа-
ніемъ для картины твоей,
еспьли ты хочешь изобразить
тѣ мученія, которыя разди-

рають сердце опчаяннаго; а
 грунпомъ ея пусть будетъ
 ночь — самая мрачная и ужас-
 ная! Среди ея изобрази ярость
 кипящаго Океана и свирѣпство
 вѣтра, бунтующаго въ возду-
 хѣ; ни одинъ лучъ свѣта да
 не проникнетъ во мракъ; лишь
 блѣдное пламя пусть свирѣп-
 ствуешь въ нѣдрахъ его, а за
 нимъ представь разрушеніе.
 Пусть солнца и планеты низ-
 вергаются одна на другую;
 пусть новой хаосъ возстанетъ
 въ пустомъ пространствѣ: это
 можешь подать тебѣ идею о
 мученіи тѣлесномъ. У опчаян-
 наго никакая черта лица, ни-
 какая часть тѣла не должна
 быть спокойною; страшно,
 подобно горящимъ кометамъ,
 должны обращаться глаза его;
 волосы должны быть разпре-
 саны и воздымающіеся, а ще-

ки блѣдны и впалы. На губахъ и во всѣхъ чертахъ лица его изобрази тайное проклятіе сердца. Скрежещущіе зубы пусть выразятъ ярость его и желаніе, чѣмъ земля разверзлась и поглотила его; пусть руки его раздираютъ грудь и ударяютъ въ лице. . . . Живописецъ! — — все это есть только слабое, несовершенное начертаніе насмѣхающаго. Никакое состояніе души не можетъ быть ужаснѣе, какъ опчяніе, и оно-то свирѣпствовало въ груди Гаршенштейна, когда онъ заключенъ былъ въ темницу.

Сердце его предалось ужасной горести: терзаемый мучительными укоризнами и спрашными картинами воображенія, онъ сдѣлался жертвою опчянія. Куда ни обращалъ онъ глаза свои, вездѣ видѣлъ себя

окруженнымъ врагами; ему казалось, что все противъ него пылало мщеніемъ. Онъ раздражилъ Небо, оскорбилъ человѣчество; и попъ, кто самъ носилъ въ груди своей жестокую ненависть и ядоносное мщеніе, какъ могъ надѣяться любви и помилованія? опъ кого огорченное сердце его должно было ожидать сожалѣнія?

Еще не начали судить его, еще законы не обвинили его, но собственное сердце уже осудило его, и Судія человѣковъ изрекъ ему приговоръ. Гарпенштейнъ умеръ въ темницѣ самою постыдною и ужасною смертію — онъ умертвилъ себя тѣми оковами, которыя обременяли руки его. — И такъ справедливо, что никакой человѣческой судъ не можетъ быть строже собственной со-

вѣспи, и въ самомъ пресупленіи уже находится ужаснѣйшее наказаніе.

Крошкое сердце Каллосово, терзавшееся горестію о потерѣ дѣшей своихъ, сожалѣло еще о злодѣѣ, и молило за него Небо о прощеніи. Боже! вскричалъ онъ: къ какой жестокости способенъ человѣкъ, когда духъ его омраченъ фанатизмомъ, а сердце исполнено ненависти! — О! никогда онъ не поступалъ бы такъ, еслибъ съ юности научили его справедливыя мысли; онъ былъ бы любимъ своими единовѣрцами, ибо не могъ бы сдѣлать имъ никакой несправливости, поступалъ бы съ ними крошко и оказывалъ бы имъ благодѣянія.

Я хочу сокрыть сію ужасную испорію подъ мраморъ,

сказалъ В. . . . , и она для поз-
днѣго попомспва должна бытъ
наспавленіемъ шерпимости и
спрашнымъ примѣромъ фана-
шизма. Всемогущій Боже! сколь
многія тысячи невинныхъ уже
погибли опъ него! Когда воз-
сіяетъ свѣтъ Твой надъ землею,
когда люди познають испи-
ну, что въ любви къ ближне-
му заключаеиша ихъ щаспіе? —
Но, друзья мои! забудемъ сіи
печальныя произшесствія, и ра-
доспъ пусть оживилъ сердца
наши, копорыя споль много
посспрадали! Каллось! прожи-
вите пѣ немногіе дни, копо-
рые еще оспаются вамъ, у ме-
ня; Провидѣніе вознаградишъ
васъ за пѣ, копорые провели
вы въ вашей могилѣ. —

Молодой Офицеръ печаль-
но споялъ у окошка и пайно
проливалъ слезы, извлекаемыя

изъ глазъ его нѣжнѣйшею горестію. В. . . подошелъ къ нему и сказалъ: Вы плачете, благородный человѣкъ! Не стыдись слезъ, которыя вы проливаете; онѣ служатъ для меня самымъ лучшимъ доказательствомъ доброто вашего сердца. Солдатъ не есть безчувственная машина, сдѣланная изъ железа, или камня; онъ долженъ быть твердъ, какъ сталь, покрывающая грудь его: щасливъ онъ, еслили подъ нею бьется чувствительное сердце.

Въ сіе время пришелъ старый, посѣдѣвшій солдатъ, и желалъ быть представленъ Генералу. Съ живосшію быспраго юноши бросился онъ въ объятія молодаго Офицера, копторой называлъ его опцомъ своимъ, и они начали обнимать другъ друга. Потоомъ обрашилъ

ся онъ къ Генералу и сказалъ :
Я слышалъ объ одномъ произ-
шесшви, которое до меня
касается ; въ самомъ ли дѣ-
лѣ живъ еще старой Паспоръ
Каллосъ ?

„Въ самомъ дѣлѣ“ сказалъ
В. . . : „ты видишь его предъ
собою.“

Радость остановила ды-
ханіе стараго воина; не въ со-
стояніи будучи выговорить ни
слова ; онъ стоялъ и изумлял-
ся. — Теперь слава Богу ! ска-
залъ онъ наконецъ послѣ нѣ-
котораго молчанія. Послушай-
те меня. За двадцать лѣтъ
проходилъ я чрезъ эшотъ го-
родъ ; тогда все было въ смя-
щеніи, все опустошали и уби-
вали, не щадили даже невин-
ныхъ младенцевъ : въ это вре-
мя попался мнѣ мальчикъ — я
уже извлекъ было свою саблю ;

но онъ шакъ жалко просилъ меня и плакалъ, чшо сердце мое смягчилось; я посмотрѣлъ на дитя, полюбилъ его и взялъ съ собою. Я не спрашивалъ, кому принадлежалъ онъ, ибо онъ сдѣлался моимъ; но часто слышалъ я, какъ онъ говорилъ: *мой папинька Либгольдъ*. Вскорѣ попомъ вступилъ въ нашу рошу одинъ молодой мѣщанинъ изъ вашего города; я рассказывалъ ему однажды, какимъ образомъ получилъ я себѣ сына, и онъ объявилъ мнѣ, что у васъ въ эпожѣ самое время пропалъ мальчикъ, и въ моемъ воспитанникѣ находилъ онъ большое съ нимъ сходство. Теперь услышалъ я вашу испорію, услышалъ, что вы еще живы, и спѣшилъ сюда, чшобъ увидѣть васъ и найши опца милаго моего Вильгельма. Сообразите всѣ

сіи обстоятельство и послушайте голосу вашего сердца; кажется, что мы не обманываемся.

Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Каллось: я всегда былъ извѣстенъ подъ именемъ Либгольда, и обстоятельство такъ сходны; — но скажи мнѣ, не было ли у него рубца?

Былъ, былъ, отвѣчалъ онъ.

Благодарю милостивое Провидѣніе! продолжалъ Каллось: какое щастіе! я нахожу одного изъ дѣтей моихъ, нахожу старшаго моего сына. Поди въ мои объятія, сынъ мой, и позволь мнѣ прежде, нежели я въ послѣдній разъ возвращусь въ хладную землю, прижать тебя къ моему сердцу и чувствовать радость отца!

Бапюшка, бапюшка! это вы! сердце мое не обмануло ме-

ня. Какая радость, какое восхищеніе! — Я не могу изобразить ихъ; только любящее сердце опцовское и нѣжный сынъ, кошорой по прощесвіи многихъ лѣтъ спѣшишь въ объятія къ отцу своему; могутъ ихъ чувствовашь.

Пойдемте, друзья! сказалъ В. . . .; это такой радостной день, какіе рѣдко случаются въ жизни человѣческой; я никогда не видалъ еще такого. Съ удовольствіемъ выпьемъ мы нынѣ по бокалу вина — и во всей полночь насладимся радостію нынѣшняго дня!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

е вос-
изоб-
блеще
жнм
оше-
тнть
ему,

залъ
ной
тсѣ
ни-
го.
мн
во
и-

Eckartshausen, Carl <<von>>,

Terpimost' i čelověkoljubie [izobražennyja v trogatel'nych pověstjach]

Bd.: 1

Moskva 1817

P.o.germ. 2097 c-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10130175-7